

Мир Пауков Колина Уилсона

Нэт Прикли

Цитадель

«Автор»

1998

Прикли Н.

Цитадель / Н. Прикли — «Автор», 1998 — (Мир Пауков Колина Уилсона)

Сериал «Мир пауков» английского фантаста Колина Уилсона пользуется заслуженной любовью читателей. Последователями Мастера был создан ряд блестящих книг. Для вас вновь распахнутся врата зловещей вселенной. И только Найл, Посланец Богини, сможет спасти остатки человечества и принять вызов Повелителя Пауков.

© Прикли Н., 1998

© Автор, 1998

Содержание

Предисловие	5
Часть первая	10
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Нэт Прикли Цитадель

Предисловие

Определить, написана заинтересовавшая вас книга популярным писателем или малоизвестным, очень просто. Для этого книжку даже открывать не нужно. Взгляните на обложку: если крупным шрифтом набран броский заголовок – значит, литератор этот славы, увы, не снискал; а вот если фамилия автора – на полпереплета, стало быть, ему есть, чем гордиться.

Колина Уилсона начали указывать на обложке крупным шрифтом уже с первого издания. Его «Посторонний», вышедший в 1956 году, буквально потряс пуританскую Англию, вызвав настоящую волну «уилсономании» и принеся дебютанту широчайшую известность. О популярности книги ярче всего говорит тот факт, что К. Уилсон, родившийся в 1931 году и за двадцать пять лет наживший из имущества только спальный мешок да пачку книг, купил себе на гонорар старинный особняк на берегу океана.

Переход от аскетизма к роскоши никак не отразился на произведениях талантливого писателя. Он продолжал создавать философские трактаты, изящно вплетенные в литературные формы.

Следует признать, что философия для К. Уилсона всегда оставалась куда важнее собственно литературы, в стремлении довести до читателя свою мысль он не обращал внимания ни на общепринятую мораль, ни даже на сюжет произведения. Именно поэтому отдельные фрагменты произведений этого автора выглядят уже не эротикой, а откровенной порнографией («Бог лабиринта», «Метаморфозы вампиров», «Философский камень»). Именно поэтому некоторые его романы грубо обрываются в середине повествования («Метаморфозы вампиров»). Именно поэтому в ряде его книг практически отсутствует всякое действие (и тем не менее они остаются необычайно захватывающими).

Произведения К. Уилсона вообще стоят особняком среди прочей англоязычной беллетристики.

В первую очередь, у него отсутствует деление героев на плохих и хороших, различие добра и зла. Даже когда у читателя складывается впечатление, что вот, перед ним законченный враг рода человеческого, в последний момент – хоп! – и зловещий вампир превращается в доброго ангела, который немедленно совершает самоубийство, ужасаясь содеянному («Метаморфозы вампиров»), Во-вторых, приключения, описываемые К. Уилсоном, являются не странствием человека, а странствием духа, внутренней сути героя. «Тело – лишь своего рода стена, разделяющая две бесконечности: Вселенную, расстилающуюся в бесконечность снаружи, и ум, образующий бесконечность внутри» («Паразиты сознания»). Это внимание к человеческой душе заметно сближает авторскую позицию К. Уилсона с мироощущением российского читателя.

И наконец, непременным атрибутом творчества К. Уилсона является обилие неожиданных идей:

А что, если разумное и чувственное начала в человеке – это разные существа; душа и паразит, питающийся душевными силами? («Паразиты сознания»). А что, если все мы – энергетические вампиры, но просто не обращаем на это внимания? («Метаморфозы вампиров»). А что, если миг сексуального оргазма – это состояние, при котором полностью раскрываются возможности человеческого мозга, если, удержав это состояние усилием воли, можно сравняться в своих возможностях с богами? («Бог лабиринта»). Что случится с людьми, если насекомые вырастут до размеров обычных животных, а пауки будут вдобавок обладать развитыми

телепатическими способностями? («Мир Пауков»). Не может ли быть причиной черной злобы обычное чувство голода? («Космические вампиры»). Является ли секс простым телесным контактом или в нем заложена иная, значительно более важная функция? («Метаморфозы вампиров»).

Наверное, внимательный читатель уже заметил, куда устремлена мысль «корнуэльского мыслителя», как называют своего кумира «уилсономаны».

Откроем роман «Паразиты сознания»:

«...целью вампиров является не допустить, чтобы человек узнал о мирах, скрытых в нем самом; следить за тем, чтобы его внимание рассеивалось наружу» (курсив К. Уилсона)

Здесь К. Уилсон, сам того не подозревая, излагает один из основополагающих принципов дзен-буддизма: цель человека – самодостаточность; главное для личности не то, что происходит вовне, главное – внутренний мир.

Теперь возьмем «Бога лабиринта»:

«Когда сила оргазма омывала мой мозг, я пытался удержать ее, не позволяя ей отступить» – перед нами основы тантрической медитации. Причем с успешным результатом: «Вскоре я обнаружил, что во мне развивается замечательная сила концентрации». А уж высказывание: «И в определенный момент мыслительного цикла становится возможным достичь такой степени контроля над своим телом, которую вы даже не можете себе вообразить. Когда это происходит, я могу делать самые необычные вещи – например, могу мысленно перенести то, что вы называете моим астральным телом, на очень большие расстояния», – думается, не требует комментариев.

Кстати, мастера дзен утверждают, что состояние просветления невозможно описать, поскольку для него не существует слов в человеческом языке. А вот К. Уилсон описал – в «Философском камне», где главный герой изменяет свое сознание с помощью вживленных электродов.

Похоже, судьба сыграла с Уилсоном злую шутку, коварно скрыв от него наследие восточных мыслителей. Обнаруживая широчайшую эрудицию в области западноевропейской философии, он, судя по его построениям, не знаком с восточными практиками. Судьба сыграла злую шутку с К. Уилсоном, зато сделала величайший подарок его поклонникам. Самостоятельно нащупывая азы дзен, ошибаясь и восторгаясь находкам, мучаясь и радуясь, он щедро делится открытиями с поклонниками, ведет их за собой. Англичанин, выросший в «обществе потребления», Уилсон видит, как костяк западной цивилизации – технизм – стремится подмять, высушить, изничтожить все духовное в человеке, превратить свободную личность в винтик, простенькую стандартную деталь со стандартным набором потребностей и стандартными возможностями. Для общества такие рационально устроенные людишки удобны и экономичны. «Но это уже не человек!» – буквально разрывается душа философа, и ему кажется, он находит выход. Этот выход – в возможностях самого человека, его духа и силы воли, нереализованных потенциалах мозга.

К счастью для нас с вами, К. Уилсон не ведает, что мысли его не новы, что им уже много тысяч лет, что века назад отстроен великолепный дворец дзен-буддизма, что идеи его давным-давно доведены до логического завершения.

«Корнуэльский мыслитель» делает первый шаг – он утверждает, что внутренний мир каждого человека равен Вселенной, что ценность каждой личности столь же велика, сколь и всего остального мира. К. Уилсон и не подозревает, куда ведет эта тропа: «Важно только то, что внутри, а все, что происходит во внешнем мире – не имеет значения», – учат мастера дзен.

Не нужно бояться смерти, считает К. Уилсон, ведь энергия человека все равно сохранится в этом мире.

Да, западный техницизм пытается нивелировать личность, свести все потребности к простым внешним материальным благам. Между тем цель дзен-буддизма – вернуть человека к истоку жизни, к самому себе и познанию своей внутренней Вселенной.

Философии Востока и Запада словно расположены на одной числовой прямой, причем устремлены в разные стороны. Они совсем рядом... но совершенно несовместимы.

Однако К. Уилсон явно этого не знает. И бьется всей мощью своего таланта в каменную стену рядом с распахнутыми настезь воротами, стремясь попасть с привычным ему прагматизмом в эфемерный мир духовности, рождая произведения, исполненные страсти и надежды... И вдруг – прорыв!

Роман Колина Уилсона «Мир Пауков» отличается от прочих его творений, как утренний рассвет от пыльного подвала. Его можно смело поставить в один ряд с романами Чарльза Диккенса, Уильяма Теккерея и Вальтера Скотта. Возникает впечатление, будто на свет явился совершенно новый, самобытный гений.

В первую очередь, «Мир Пауков» – это яркий, неожиданный, но удивительно правдоподобный мир.

Когда-то, давным-давно, испугавшись гигантской кометы, человечество полностью эвакуировалось в иные звездные миры. За прошедшие столетия отдельные группы людей, по каким-то причинам не попавшие на звездолеты, размножились и заселили опустевшую Землю. Однако за те же самые века земные насекомые выросли до размеров современных зверей, а пауки-смертоносцы (и небольшая кучка жуков-бомбардиров) даже приобрели разум и могучие телепатические способности. В результате восьмилепая раса поработила Homo sapiens и унизила до уровня домашнего скота.

«Мир Пауков» – это столь же яркая сюжетная линия, захватывающая, полная неожиданных поворотов, и, наконец, характерный для творений Уилсона глубокий внутренний мир главного героя.

Найл отнюдь не представитель королевского рода, он даже не потомок какого-нибудь, пусть самого захудалого, вождя. Это просто маленький дикарь из каменного века, живущий посреди пустыни. Постоянная нехватка пищи и воды не позволила ему вырасти, он небольшого роста, тощий, однако жилистый и выносливый.

Уилсон описывает повседневную жизнь героя, его путешествия с семьей от оазиса к оазису, схватки с муравьями, скорпионами, муравьиными львами. Имея всего лишь копье с каменным наконечником, Найлу приходится вступить в схватку с гигантским тарантулом. И сейчас-то этих тварей люди предпочитают обходить стороной – а мальчишке противостоит чудовище едва ли не выше его ростом! И в тоже время он вместе с родственниками вынужден таиться от пролетающих на воздушных шарах смертоносцев, прятать не только тело, но и мысли, ведь пауки – телепаты. Постоянная насущная необходимость то выкладываться до последней капли сил, то подавлять малейший внутренний порыв, превращаясь в бездушный предмет, выковала его характер и закалила волю настолько, что однажды Найл вышел победителем из схватки со смертоносцем, а не замер парализованный, как прочие живые существа. Суровая и безжалостная пустыня научила Найла не просто выживать, но превыше всего ценить и понимать свободу.

Найл выбирает свободу, когда принцесса Мерлью, дочь Коззака, повелителя подземного города Диры, предлагает ему свою любовь. Найл выбирает свободу и тогда, когда Смертоносец-Повелитель предлагает ему власть над всеми людьми города пауков.

Попав в плен, мальчишка из пустыни ужасается тому, как изуродовали восьмилепые психику покорных им людей. Пауки заставили женщин помыкать мужчинами; пауки поедали всех, перешагнувших сорокалетний рубеж, цинично называя это путешествием в «Счастли-вый Край»; пауки под страхом смерти запрещали половые контакты мужчин и женщин, борясь

таким образом с вырождением своего «домашнего скота», Найл обнаруживает целые кварталы, населенные калекками – десятым, выродившимся поколением рабов.

Перед нами красочное и реалистичное описание рабовладельческой цивилизации разумных пауков – их корабли, жилища, повозки, отношение к слугам, уклад жизни, их властность. Но сквозь яркую мишуру описания явственно проглядывает глубочайшее убеждение К. Уилсона, что человек даже генетически не может быть рабом. Десяток поколений селекции в сторону покорности – и потомки превращаются в умственных и физических уродцев, годных разве что в пищу. Смертоносны вынуждены ловить свободных людей, дабы привнести свежую кровь в жилы «рафинированных слуг».

Найлу предлагаются роскошные покои во дворце, драгоценности, деликатесная еда, любые женщины на выбор, власть над всеми «двуногими» города (даже этот труд пауки норовят переложить на плечи людей) – царский подарок, от которого и в мыслях не возникло отказаться правителю Коззаку, также попавшему в плен. Быть производителем – не слишком тяжелый и, пожалуй, приятный труд. Сделавшись правителем над людьми в городе пауков, отец принцессы Мерлю радуется своей удаче, вычеркнув из памяти, что от многочисленного населения города Диры, захваченного смертоносцами, в живых остались считанные десятки, если не единицы.

Вот оно, ужасающее К. Уилсона западное мышление: неограниченные материальные блага – что еще нужно для счастья?

Но Найл не таков, он обладает высокой духовностью и обостренным чувством свободы. Найл бежит из дворца и в награду получает от Белой Башни – компьютера, оставленного наблюдать за Землей, – вторую составляющую полноценной личности: Знание. В эту минуту мальчишка, столь долго бывший героем Духа, противостоявший давлению извне благодаря внутреннему несгибаемому стержню, становится героем действия – вместе со слугами жуков-бомбардиров Найл вскрывает всеми забытый арсенал; они вооружаются жнецами – всеокрушающим ручным оружием, устраивают смертоносцам кровавую бойню, а затем отправляются в Дельту искать почитаемую пауками Великую Богиню (Богиней оказывается гигантский корнеплод, споры которого занесла на Землю давешняя комета).

«Огнем и мечом» прокладывают люди себе дорогу, приводя в ужас все живое. В один прекрасный миг сгустившийся вокруг всеобщий страх пробуждает в Найле его духовное начало, отступившее было на второй план. Герой без колебаний собирает все оружие и выбрасывает его в реку, сдаваясь на милость великой Богине. Владычица всего живого отвечает человеку благосклонностью, наделяя властью уже от своего имени.

Найл возвращается в город повелителем, Посланником Богини, символом истинной свободы для людей.

Любой другой писатель остановился бы на этой мажорной ноте, однако К. Уилсон дает своим героям еще три дня. Всего три дня, но мы видим, как избавленные от хозяев слуги все это время валяются кверху брюхом, не желая ничего делать. Им и в голову не приходит, что от повседневного труда зависит в первую очередь их собственная жизнь. Рабы привыкли выполнять приказы под страхом наказания и жить на всем готовом. Трудиться добровольно? Глупость! И на третий день Найл... сам обращается к паукам с просьбой заставить «свободных людей» выйти на работу. Читателю становится ясно, что история отнюдь не закончилась, что внешняя идиллия сосуществования восьмилапых и двуногих в первого же дня заметно отличается от внутренних механизмов, регулирующих их жизнь.

Так настал ли час свободы? К. Уилсон не торопится отвечать на этот вопрос. Мастерски интригуя читателя, он неторопливо рассказывает о проникновении в город лазутчиков Мага – таинственного обитателя горных окраин, способного вселять злые души в камни и безделушки, оживлять своих мертвых слуг и управлять стихиями...

Несколько слов хотелось бы сказать о нумерации книг сериала. НПО «Мир и Семья-95», неоднократно издававшее К. Уилсона с 1992 по 1997 год, отошло от нумерации самого автора, выпустив в 1997 году два тома под названием «Мир Пауков-1» и «Мир Пауков-2». Издательство «Северо-Запад» восстанавливает принятое на Западе разбиение сериала на книги, начиная знакомить читателя с новинками, речь о которых пойдет ниже.

Мир Пауков, рожденный фантазией гениального писателя, не успел раскрыть и сотой части своего потенциала. Мы знаем, что битвы людей и пауков проходили с переменным успехом, а значит, рядом с империей пауков, поработивших людей, вполне могут сосуществовать страны с прямо противоположным строем, или государства, где люди и пауки оказались равны. Виток эволюции породил Мага – точно так же он мог возродить и техногенный строй. Смертоносцы запрещали своим слугам иметь образование и пользоваться инструментами, а значит, интеллектуальное и техническое наследие далеких предков до сих пор еще не тронут. Собратья Богини Дельты, разбросанные по планете, стремятся воссоздать на Земле цивилизацию своей прародины, а столь же щедро разбросанные Белые Башни сообщают о происходящих здесь переменах людям на далеких звездах – и те вполне могут вернуться... Да и сам главный герой растет, превращаясь из мальчишки в юношу, а значит – изменяется.

Безусловно, К. Уилсон понимал открывающиеся перспективы и стремился наполнить их. Он уже сообщил поклонникам, что пишет новые книги: «Зона сумрака» и «Новая Земля», но...

Но главный герой, наделенный К. Уилсоном величием Духа и величием Знания, оказался в весьма трудном положении: для развития духовного начала ему необходим покой и самозерцание, причем все нужное для собственного, личного счастья он хранит в себе, а звание Посланника Богини вынуждает его занять пост правителя, заботиться о мелких нуждах населения города, постоянно решая наваливающиеся проблемы.

Могучий Дух устроил ловушку своему владельцу, загнав его в капкан Власти.

Великий К. Уилсон в очередной раз ударился о стену и... сломался. Долгие шесть лет не появляется обещанное им продолжение. Философ слишком близко ассоциировал себя с героем, чтобы позволить ему сдать, отказаться от одной из двух составляющих личности – и в то же время не видит логичного пути для дальнейшего развития.

По счастью, за прошедшие годы выросло поколение последователей, которое не осмысливало учение К. Уилсона, а просто приняло его как данность. Один из них – Нэт Прикли (род. 1962) – решил продолжить дело учителя. Этот писатель не мучается в тяжких раздумьях о том, как поведет себя герой, совмещающий начала Востока и Запада, Духа и Знания, он ощущает это изнутри, как нечто обычное и естественное. Достойный ученик, он сумел сохранить в неприкосновенности атмосферу вселенной К. Уилсона, ее философскую концепцию, личности ее героев, но шагнул дальше учителя.

Дорогой Читатель, я искренне рад за тебя! Благодаря таланту Нэта Прикли после долгого, почти шестилетнего перерыва ты можешь вновь войти в красочный и яркий, переливающийся множеством граней, полный неожиданных происшествий и парадоксальных открытий мир. Романом «Цитадель» издательство «Северо-Запад» открывает захватывающий сериал «Мир Пауков», созданный достойными продолжателями дела «корнуэльского мыслителя». Не пропускайте новинок!

Александр Прозоров

Часть первая

Хищники города

Найл стоял у открытого окна и смотрел прямо перед собой, на серую шербатую стену заброшенного здания. Прямо в лицо били с чистого голубого неба яркие солнечные лучи, легкий ветерок проскальзывал по подоконнику и бессильно ронял человеку на ноги желтоватую пыль. Время от времени с гулким жужжанием появлялась небольшая, с палец, зеленая муха, совершала вдоль стен круг почета, но, не найдя ничего интересного, отправлялась дальше. С улицы доносились то веселые крики ребятишек, то отрывистые команды надсмотрщиц, но правитель города никак не реагировал на происходящее вокруг – он неподвижно замер, точно неотличимый от изваяния сторожевой паук у входа во дворец.

Скрипнула дверь. В комнату вошла Джарита, осторожно кашлянула. Найл не шелохнулся. Девушка переступила с ноги на ногу, шагнула было вперед, но остановилась в замешательстве, не решаясь прервать размышления господина. Служанке было невдомек, что повелитель города пауков не думал. Он чувствовал. Это происходило уже не первый раз с тех пор, как пришедшая из глубин вселенной Богиня Дельты поставила его во главе мира: он сливался с городом.

Сознание Найла расширилось и как бы накрыло собой этот громадный муравейник людей и гигантских насекомых, впитало его, стало неотделимой частью. Он ощущал не столько каждого паука, жука или человека в отдельности – хотя, безусловно, присутствовало и это, – сколько необъятное живое существо, образованное переплетением жизненных полей, мыслей, чувств всех обитателей поселения. Как одноклеточные животные – крохотные частицы тела – соединяются в более высокоразвитый организм, так и жители города являлись, не замечая того, частицами нового, более крупного живого существа. И это существо болело.

Еще не залечилась рана, образованная взрывом арсенала, еще не успела стать привычной подаренная людям свобода, а в плоти города уже назревал новый гнойник.

Найл, которому в начале правления пришлось отлавливать шпионов таинственного Мага из черных гор и пресекать баловство пауков-людоедов, даже не подозревал, что самая страшная беда придет не из-за нарушения Договора, а из-за его соблюдения.

Пауки всегда любили человеческое мясо, считая его величайшим деликатесом, но тем не менее, после смерти Скорбо и казни его сообщников, свято соблюдали данную клятву и ни при каких обстоятельствах на людей не нападали. Они ловили чаек, мух, крыс, которых уже почти не осталось, они голодали, однако людей не трогали. Впрочем, любой паук-смертоносец может прожить без пищи больше года – он просто перестает расти.

Увы, первые последствия такой честности оказались весьма неприятными.

Вначале трупы стали появляться в квартале рабов. Явление для города пауков непривычное – ведь раньше люди бесследно исчезали, оказываясь в хелицерах или сетях восьмилпых охотников, и своей смертью умирали довольно редко. Рабы или, как их теперь принято было называть, «неголосующие граждане» поначалу не обращали на мертвецов внимания. Несмотря на новое звание, они оставались теми же, кем были и раньше, – безмозглыми уродами, полностью выродившимся одиннадцатым и двенадцатым поколением людей-рабов. Но очень скоро ядовитое зловоние пробило брешь в безразличии, и рабы стали вывозить трупы на помойку вместе с прочими отходами.

В недобрый час слухи о мертвых телах среди груд мусора дошли до жаждущего славы члена Совета Свободных Людей Бродуса. Советник страстно выступил на ближайшем заседании, требуя отдавать последние почести усопшим.

Найл искренне считая, что мертвым уже все равно, предадут их земле или кремируют, но советник Массиг и советник Дион едва не подрались, настаивая каждый на своем ритуале похорон. Умница Симеон, лучший и единственный врач в городе, для успокоения нервов посоветовал отложить вопрос на неделю.

Но уже через два дня стало не до заседаний: Симеон заметил работающих в городе «неголосующих граждан» с черными пятнами на теле и большими вздутиями на плечах и под мышками. Побелевший от ужаса, он кинулся в кварталы рабов и практически в каждом доме обнаружил умирающих или уже мертвых рабов.

Эпидемия обрушилась на город внезапно, как оса падает на спину сытого и сонного паука. При внимательном осмотре признаки заболевания обнаруживались почти у всех «неголосующих граждан».

По совету Белой Башни Найл применил древнейшую и единственно возможную, хотя и довольно жестокую, меру – карантин. По его просьбе пауки в считанные часы отрезали кварталы рабов своими липкими тенетами. Только Симеон с двумя помощниками допускались в изолированный от города вымирающий район.

Драконовские меры дали свой результат: к тому дню, когда болезнь прокралась-таки в тела полноценных людей, Симеон нашел несколько выздоровевших рабов и сделал из сыворотки их крови вакцину.

Из сотен тысяч рабов выжило не больше тысячи. Горы полуразложившихся трупов, вынесенные на берег реки, были сожжены Доггинзом в присутствии Найла, Смертоносца-Повелителя и Хозяина из выданного жуками жнеца, и правители единогласно решили не считать этот случай использования оружия нарушением Договора.

Именно в напряженные дни эпидемии Найл научился чувствовать город, сливаться с ним сознанием. Он уже предвкушал тот миг, когда гигантский организм вздохнет спокойно, расслабится на берегах реки, словно липа под лучами солнца. Увы... Это мгновение никак не наступало. Вот и сейчас он ощущал напряжение в сложной паутине желаний и судеб, составлявших тонкую ауру города, его энергетическое тело...

Джарита снова тихонько кашлянула и испуганно шарахнулась назад к двери.

Найл вздрогнул. Тончайшая ментальная связь мгновенно прервалась, сознание как бы скомкалось, возвращаясь в черепную коробку, и еще несколько тугих ударов пульса правитель города не мог прийти в себя, понять, где он и что он, но наконец тряхнул головой и отвернулся от окна.

– Пришел Симеон, мой господин, – почтительно склонилась служанка. – Он просил передать, что дело очень спешное.

– Так я и знал, – ответил Найл, вспоминая ощущение опухоли в ауре города. – Пригласи его сюда.

За время борьбы с эпидемией Симеон почернел, сгорбился и ссохся, лицо его покрылось множеством мелких морщинок, кожа рук стала желтой и точно пергаментной, зато в движениях появилась заметная уверенность и живость, порою переходящая в торопливость.

– Привет, Найл, – поздоровался он с порога и тут же развернулся, нервно дергая полы выцветшей туники. – Поехали со мной, ты должен это видеть.

– Что?

– Поехали. Пока не увидишь, не поймешь серьезности проблемы.

Найл смахнул с подоконника нанесенную ветром пыль и закрыл окно.

– Куда мы хоть едем?

– Позволь взять твою коляску, – словно не услышал вопроса Симеон, – мои гужевые велятся с ног.

В принципе главный и единственный медик города предпочитал, как и Найл, ходить пешком. Ездить на людях он считал неприличным. Однако несколько недель эпидемии, во время

которой он спал лишь то время, пока его перевозили с места на место, коренным образом изменили мировоззрение Симеона. Теперь он без колебаний накладывал свою трясущуюся руку на все, что только могло помочь ему в защите города от болезней или сберечь силы в достижении этой цели. Он обзавелся новым домом рядом с больницей (выгнав оттуда прежних жильцов), поставил в спальню огромную мягкую кровать (ранее принадлежавшую Коззаку), обзавелся бассейном с подогревом и даже читал только при трех светильниках. А на первый же вопрос вездесущего советника Бродуса категорически отрезал: «Я не собираюсь портить глаза, экономя жалкие капли горячего масла. В один прекрасный день мое зрение может спасти чью-то жизнь».

– Коляска правителя во дворе, – сообщила вынырнувшая из темного коридора Нефтис. – Вы надолго?

Найл пожал плечами, а Симеон просто пробежал мимо. Начальница охраны бросила на повелителя вопросительный взгляд.

– Не волнуйся, – утешил ее Найл, – сражений не предвидится.

– К обеду вернетесь?

– Насколько я знаю Симеона – вряд ли.

Улица дохнула на него жаром. Он в очередной раз поразился терпению пауков. Два стражника-смертоносца высились у крыльца на самом солнцепеке – недвижимы, невозмутимы, непобедимы. Найл осторожно коснулся их мыслей: удивительная смесь смертельной угрозы и абсолютного покоя.

– Ну давай же, давай, – поторопил из коляски Симеон, экономя секунды.

К удивлению Найла, гужевые побежали не в сторону больницы, а к реке.

– Мне нужны рабы, переболевшие чумой, – без всякого вступления заговорил Симеон. – У нас нет холодильников, чтобы хранить вакцину. Поэтому выздоровевшие рабы всегда должны находиться под рукой. Сыворотка их крови может понадобиться в любой момент! А советник Бродус требует отпустить всех на волю. Он говорит, что даже неголосующие граждане имеют право на свободу. А где я их ловить потом буду, если что?! Забыли уже про эпидемию?!

– Нет, не забыли, – ответил Найл.

Вот так всегда – «неголосующие граждане» имеют право на свободу, как и все прочие. Но их нельзя отпускать, они – ходячее лекарство. Как совместить и то и другое?

– А ты уговори их остаться добровольно. Корми повкуснее.

– Уже. А Бродус лезет к ним в комнаты и предлагает пойти погулять! Что он сует свой нос во все щели?! Ему делать больше нечего? Зашли ты его куда подальше, хелицеры ему в бок. Отправь к чертовой матери с почетным поручением, надоел ведь хуже горькой редьки.

– Не могу. Он советник, а не посыльный.

– Отправь, Найл, а то ведь я не выдержу, использую для опытов, будет он мне вакцину производить, если жив останется. «Кормлю я их часто», «кормлю я их часто»... Вот сам пусть покушает.

От эмоциональной речи медика Найла отвлекло странное зрелище: множество женщин шло по направлению к реке, и каждая держала в руках по младенцу.

– Что это, Симеон? – положил он руку медику на плечо.

– Свобода это, Найл, собственной персоной.

– Ты меня не понял...

– Это ты меня не понял. Это все – плоды свободы. Девять месяцев назад ты заключил новый Договор и разрешил мужчинам и женщинам жить вместе.

– Так вот оно что... – начал понимать Найл. – А куда они несут детей?

– В детскую.

– Но ведь по Договору они имеют полное право оставить детей дома!

– И что они будут с ними делать? Ты родился и вырос в пустыне, Найл. В семье. А они воспитаны пауками. Им всю жизнь твердили, что дети должны расти отдельно, на этом отрезанном от города речном острове. За нарушение – смерть.

– Но Договор...

– Да не наказания они боятся! – горячась, перебил Симеон. – Просто другого положения дел не представляют. Вот и несут детей к острову, на воспитание. Может, кто дома и оставил, не знаю, но большинство – здесь.

Дорога пошла под уклон, и Найл увидел остров, изгиб реки перед ним и берег, усыпанный, уложенный, устланный младенцами. Между берегом и островом сновали лодки.

– О Богиня Дельты... – охнул Найл.

– Подожди охать, главное еще впереди.

Мышцы гужевых мужиков вздулись, спины выпрямились – теперь им приходилось не тянуть коляску, а тормозить ее.

– Надо объяснить, что теперь детей можно растить дома, самим, что отказываться от них необязательно, – продолжал волноваться Найл.

– Да, объяснить, – хмыкнул Симеон. – Ты знаешь, как кланяться женщине, если она разговаривает с пауком, а тебе нужно пройти мимо?

– При чем тут поклоны? – удивился Найл.

– А при том, что ты вырос в пустыне, в семье, с отцом и матерью, с братьями и сестрами. А все они, – Симеон обвел рукой вокруг, – на детском острове, и имеют такое же понятие о воспитании детей, какое ты – о правилах поклонов. Да и не это самое главное. – Тут медик поднялся на ноги и заорал на гужевых: – Да стойте вы, наконец! Половину подкидышей перетопчете.

Гужевые осторожно опустили оглоблю и с облегчением уселись в дорожную пыль. Множество детей лежало по обочинам дороги, и чем ближе к реке, тем гуще. Две лодки пытались перевезти на остров тысячи оказавшихся на берегу младенцев, но явно не управлялись.

– Откуда их столько?

– Сам посчитай, – пожал плечами Симеон. – До эпидемии в городе жило примерно полтора миллиона человек. Где-то треть служили паукам и получили от тебя право жить семьями. Тысяч пять остались преданными старым хозяевам и выполняют их приказы даже в смысле продолжения рода. Еще тысяч сто пока не доросли до половозрелости. Остается четыреста тысяч здоровых людей, двести тысяч женщин. И все они заимели возможность жить вместе, вступать в интимные отношения, рожать. Причем произошло все это практически в один день!

– Этого не может быть! Ведь не станут же мужчины и женщины спать вместе так, сразу, без всяких чувств, без предварительного знакомства, ухаживания, не думая о будущем...

– За них пауки все время думали! – грубо перебил Симеон. – Сами они к этому не приучены. Их под страхом смерти отдельно содержали, а тут вдруг сразу все можно! Случилось то, что называется «дорвались». Кое в чем ты прав, многие женщины оказались разборчивыми и не кинулись в постель к кому попало. Но даже они быстро нашли себе достойных мужей.

– Мужей?

– Да, да, мужей. Здесь не пустыня, за выживание бороться не нужно. Как ставили пауки женщин выше мужчин, так и осталось. А радости от этого только то, что полтора тысяча детей принесли не в один день, а где-то в течение месяца.

– Как же нам их всех вырастить...

– Да не о том ты думаешь, правитель! – вскипел Симеон. – Я про такие плоды «свободы» с самого начала догадывался! Ты на это посмотри...

Симеон довольно грубо схватил правителя города за шкуру и пригнул к ближайшему младенцу. В первый момент Найл не понял, в чем дело, и вдруг обожгло: ноги! У младенца были непропорционально малюсенькие, с половину детской руки, тоненькие ножки. Словно

для контраста рядом лежал ребенок совершенно без рук, дальше – с маленькой, с кулачок, головкой, дальше – со сросшимися ногами, и так без конца – однорукие, безглазые, с кривыми телами, без лиц вообще...

– Ну как? Что будет, когда мы их взрастим? – с внезапной усталостью спросил Симеон. – Новый квартал рабов? А потом еще квартал, еще... Через пару десятилетий здесь будет стоять город уродов.

Найл молчал. Он вспомнил давний, очень давний разговор с правителем Коззаком: пауки ловят в пустыне людей, чтобы добавить новую, свежую кровь в жилы своих слуг. Вот оно, десятое, выродившееся поколение.

– Неужели совсем нет здоровых детей?

– Немного есть. За последнюю неделю принесли пять хороших младенцев из твоего дворца – Вайг, наверное, постарался – и двести пятьдесят шесть здоровых детей из дворца Смертоносца-Повелителя – пауки всегда были умелыми селекционерами, а их служанки покорны им во всем. Со всего остального города нам не набрать и половины нормальных... Вот так.

– И что теперь делать?

– В этом городе ты правитель, Найл... А теперь извини, у меня очень много работы. – И он частыми короткими шажками поспешил в сторону реки.

* * *

Далеко внизу, так далеко, что люди казались маленькими точечками, пронеслись машины, и их рев, поднимаясь к Найлу, сливался в однообразный гул, словно от пролетающей мухи. Где-то рядом звучала ритмичная музыка, напротив, на крыше дома, сверкала реклама варьете.

– И где, по-твоему, мы находимся? – спросил Стииг, уютно расположившийся в кресле-качалке.

– Нью-Йорк, конец двадцатого века, – предположил Найл.

– Неплохо. Ты делаешь успехи. – Старец неспешно погладил окладистую бороду и поднялся из кресла. – Тогда пройдем с балкона в кабинет. Здесь слишком шумно.

Умом Найл понимал, что и Нью-Йорк, и старец – все это обычная голограмма, но точность деталей и естественность поведения Стиига каждый раз заставляли поверить в реальность происходящего.

Кабинет был отделан мореным дубом, у окна стоял огромный стол из красного дерева с мраморной столешницей, на нем – компьютер, письменный прибор, два телефона и небольшая фотография в рамочке.

– Это жена Торвальда Стиига, Анна, – счел нужным сообщить старец и жестом предложил Найлу сесть на мягкий диван, поставленный напротив окна.

– Ты знаешь, что происходит в городе, Стииг?

– Разумеется. Выводя послушных безвольных слуг, пауки слишком уменьшили количество возможных хромосомных комбинаций, и у новорожденных оказалось много рецессивных генов. Поэтому практически все дети родились со значительными отклонениями от нормы. – Старец немного подумал и добавил: – Большинство из них умрут в ближайшие дни.

– Но ведь таким образом в городе скоро не останется нормальных людей!

– Останутся. У женщин, служащих паукам, рождаются дети практически без отклонений.

– Ты хочешь сказать, что в конце концов город вновь окажется населенным слугами пауков и безмозглыми уродливыми рабами?

– Да, – подтвердил Стииг без малейших эмоций.

– Но это нечестно! – Найл вскочил и заметался по кабинету из угла в угол. – Почему свободные люди должны вырождаться, а слуги спокойно жить и плодиться? – Он остановился перед старцем. – Должен быть способ остановить вырождение! Свободные люди обязаны рождаться сильными, умными и красивыми!

– Это закрытая информация, – столь же невозмутимо сообщил Стииг.

– Как это «закрытая»? – не понял Найл.

– Доступ к файлам с этой информацией возможен только по специальному паролю.

– Но почему?!

– В истории человечества уже были попытки вывести расу сильных, красивых и умных людей. И все они заканчивались национализмом, фашизмом, войнами, кровью, разрушениями. Это очень опасное желание, Найл. И в моей памяти всякий доступ к подобным знаниям запрещен.

– Но ведь пауки знакомы с этой тайной?

– Я не давал им никакой информации, – спокойно отрезал старец.

– Ты понимаешь, Стииг, что нынешнее поколение свободных людей окажется последним?

– Тебе нужно воспользоваться умиротворяющей машиной, Найл. Ты слишком нервничаешь. – Старец поднялся со своего места. – В таком состоянии ты можешь совершить ошибку.

– Если ты не желаешь мне помогать, значит, я потребую помощи у пауков. В этом городе именем Богини правлю все-таки я. И поверь мне, свободные люди не превратятся в расу уродов!

Покинув башню, Найл немедленно направился во дворец Смертоносца-Повелителя, забыв стгоряча про свою коляску, и четверка гужевых мужиков всю дорогу трусила за ним следом, не рискуя о себе напомнить.

У парадного входа правителя города встречал Дравиг – крупный, почти двухметровый паук-смертоносец с выцветшим от времени хитиновым панцирем и тронутыми сединой ворсинками – начальник охраны, отвечающий не только за безопасность дворца, но и за порядок в обществе пауков. Сразу за спиной у него замер почетный караул из пяти женщин-охранниц во главе с Сидонией. Одеты они были только в короткие юбки и мягкие кожаные тапочки. Несмотря на все старания, замереть подобно пауку они не могли – чуть вздымалась от дыхания грудь, нервно подергивались мышцы под смуглой кожей. Красивые, высокие, широкобедрые, с длинными густыми волосами и атласной кожей, они всем своим видом демонстрировали мастерство пауков в деле «выведения породы».

Подпустив Найла на три шага, Дравиг опустил в ритуальном поклоне и коротко телепатировал:

– Смертоносец-Повелитель ждет тебя.

– Ждет? – удивился в первое мгновение Найл, но уже в следующую секунду ему стало стыдно. Ведь он шагал по городу, кипя болью и яростью по поводу детей-калек, вырождения человеческой расы, отказа Стиига раскрыть тайну создания полноценных людей. С точки зрения телепатов-пауков – он просто орал во все горло о сложившейся ситуации. Но на этот раз Найл не позволил стыду просочиться наружу. Он как бы зашторил свои чувства, не допуская их постороннему взгляду, и церемонно кивнул Дравигу: – Хорошо, веди.

В залах дворца, насквозь пропитанных острым, мускусным, паучьим запахом, царил сумрак. В соответствии со своим понятием уюта, смертоносцы густо оплели стены и окна липкой паутиной. Найл, после дневного света, не видел ни зги, но Дравиг, войдя в телепатический контакт, любезно «осветил» дорогу. Сам он пользовался не зрением, а феноменальной паучьей памятью, уверенно двигаясь вперед и предупреждая человека о возможных препятствиях и поворотах.

Главный зал дворца был освещен заметно ярче: потолок ему заменял громадный стеклянный купол, и солнечный свет пробивался даже сквозь многочисленные слои серой паутины.

– Приветствую тебя, Посланник Богини.

Найл даже не пытался разглядеть Смертоносца-Повелителя, он давно знал, что под нависшим на людей ужас грозным именем скрываются сразу несколько очень старых паучьих самок, но ответил согласно этикету:

– Приветствую тебя, Смертоносец-Повелитель.

Дравиг отступил назад. Найл услышал, как за спиной с протяжным скрипом затворились двери, оставляя его наедине с правительницами пауков.

– Я знаю о нехороших событиях, происходящих в городе, – всплыла из глубины сознания неуверенная, вкрадчивая мысль. – Мне очень жаль.

Мысли задержались мрачной чернотой, из которой светлой искрой мелькнуло: «При нашем правлении такого не бывало...»

А затем, словно затирая случайно проскочившую фразу, прорезалось твердое и уверенное послание:

– Мы готовы помочь, если на то будет твоя воля, Посланник Богини.

– Да, я желаю этого, – ответил Найл.

– Но мы хотим быть уверены, – опять всплыло, словно из глубокого темного колодца, – мы хотим быть уверены, что это не будет воспринято как нарушение Договора...

Мысль медленно истаяла, растеклась по закоулкам сознания, оставив легкий привкус неуверенности. Пауки чтиты свои обещания превыше всего и с крайней щепетильностью относились к малейшим отклонениям от любых договоренностей. Раз они признали равноправие и независимость людей, за исключением добровольно оставшихся в услужении, то, значит, и вмешиваться в их жизнь себе не позволяли.

– Нет, – твердо заявил Найл, словно давая клятву, – это не будет воспринято нарушением Договора.

Он ощутил вздох паучьего облегчения, и Смертоносец-Повелитель заговорил снова:

– Рождением и воспитанием людей руководит Шабр. Сейчас он находится на острове детей. Они спорят с Симеоном. Мы уже сообщили ему о твоем желании узнать о правилах рождения здоровых людей, он вернется, как только решит спорные вопросы.

– Хорошо, – ответил Найл. Сдерживая свои эмоции во время разговора или, точнее, общения со Смертоносцем-Повелителем, он невольно успокоился и уже не стремился узнать все сразу и сейчас. На первое время достаточно и того, что пауки решили поделиться своим знанием и опытом. – Благодарю тебя, Смертоносец-Повелитель.

– Мы всегда готовы помочь тебе, Посланник Богини.

Заскрипела дверь – это Дравиг, получив мысленную команду, явился за правителем города. Умы человека и паука соприкоснулись. Найлу, успевшему привыкнуть к солнечному свету, внезапно показалось, что стены резко поменяли цвет. Мрак коридора рассеялся, и проступили бордовые тона. Найл поймал импульс прощания, ответил по возможности наиболее похоже и покинул зал.

Коляска Найла стояла у дверей. Привыкнув к мысленному общению, он скользнул по сознанию гужевых мужиков. Те, уже взявшись за оглоблю, ждали, как правитель опять пройдет мимо, и пытались представить себе, насколько глупо выглядят со стороны, постоянно таская за Посланником Богини пустую коляску. Найл усмехнулся, уселся в свой экипаж и скомандовал:

– Во дворец.

Во дворце вокруг Найла немедленно закружилась хлопотливая Джарита:

– Вы не ели с самого утра, мой господин! Разрешите накрывать на стол?

Только тут Найл понял, какой страшный голод накопился в нем за день.

– Накрывай. И немедленно!

– Вы примете ванну перед обедом, господин? – В глазах Джариты уже не в первый раз загорелись кокетливые огоньки. Она ждала того дня, когда правитель слишком устанет, чтобы мыться самому, и позовет ее с собой. Девушке очень хотелось стать еще ближе к Посланнику Богини. Увы, Найл в который раз отрицательно покачал головой:

– Нет. Я жду гостя. И очень хочу успеть перекусить до его прихода.

– Я накрою в вашей комнате, господин. – Огоньки в глазах погасли. – Все уже готово.

Буквально через три минуты Джарита вошла в комнату с подносом и принялась ловко переставлять тарелки на небольшой столик с высоким зеркалом, стоящий рядом с постелью Найла. По комнате поплыли дразнящие ароматы. Девушка налила бокал вина и присела на корточки рядом со столом, готовая немедленно выполнить любую прихоть. Однако стоило Найлу потянуть к себе тарелку с крупной – почти в две ладони – запеченной целиком мухой, как дверь распахнулась.

– К вам пришел Шабр, господин, – доложила Нефтис.

В душе Найла вступили в смертельную схватку чувство долга и страсть желудка. Через несколько мгновений желудок победил.

– Попроси его подождать, Нефтис. Я выйду сразу после обеда.

Джарита, у которой с Нефтис шла давняя негласная борьба за внимание правителя, бросила на соперницу победный взгляд, слегка качнулась на корточках и прижалась к ногам господина.

Начальница личной охраны сделала вид, что ничего не заметила, кивнула и вышла.

Найл, глотая слюнки, обратил все внимание на муху, оторвал голову и брюшко, затем взял в руки горячую грудку и с силой нажал большими пальцами в основание лап. Хитиновый покров аппетитно хрустнул и разошелся, обнажив белую душистую мякоть.

Тут снова вошла Нефтис.

– Господин, он просит разрешения говорить во время обеда.

Это меняло дело. Пауки обладают бесконечным терпением и органически не переносят вида поглощающего пищу человека. Если Шабр просит разрешения присутствовать во время обеда, значит, он действительно не может ждать.

– Хорошо, я иду. – Найл вытер руки полотенцем и поднялся. Настал черед Нефтис бросать победные взгляды на соперницу.

Шабр оказался довольно маленьким по нынешним временам пауком – в нем не было и метра. Однако выцветший панцирь, две обломанные лапы и совершенно белый ворс свидетельствовали о достаточно зрелом возрасте.

– Прошу простить торопливость, Посланник Богини, но на острове детей сегодня очень много работы, – склонился паук в ритуальном приветствии.

Мысленное послание показало Найлу еще одно отличие Шабра от других пауков. Он чрезвычайно легко и внятно общался с людьми. Обычно пауки, способные только на мысленные контакты, с трудом формулируют послания для людей, а большинство разговаривать вообще не умеют. Шабр, напротив, выдавал фразы очень четко и непринужденно. И самое поразительное: от него пахло не мускусом. От него пахло молоком.

– Смертоносец-Повелитель сообщил мне, что ты желаешь знать правила разведения здоровых людей. – Паук явно очень торопился и на трудился подбирать слова. – Для получения качественного приплода от потомственных слуг желательно подбирать пары с наибольшим количеством различий. Разный цвет глаз, волос, рост, мыслительные способности. При этом следует иметь в виду, что развитие породы идет в основном в сторону признаков самцов. Например: если самец выше самки, то ребенок, скорей всего, будет выше обоих; если ниже – наоборот. Это самый распространенный метод скрещивания, но и наименее продуктивный. Очень высокий процент отбраковки. Даже при самом тщательном подборе пар достаточно приемлемое потомство появляется у одной женщины из десяти. Вторым способом является

скрещивание со слугами жуков-бомбардиров. В первом поколении потомство получается в основном кондиционное, но для дальнейшего воспроизводства годится только на общем основании с потомственными слугами. Третий способ является наиболее рациональным: отлавливаются дикие люди и скрещиваются с домашними. При этом потомство практически не имеет отбраковки, к тому же в течение трех поколений годится для селекционной работы. Смертоносец-Повелитель просил передать, что полторы сотни шаров готовы подняться в воздух для облавы на дикарей, если ты не сочтешь это нарушением Договора. Я могу идти?

Все-таки этот паук торопился до неприличия.

– Благодарю тебя, Шабр.

Паук сорвался с места, выпрыгнул в окно, скользнул вниз, выпустив чистую серебристую паутину, и помчался в сторону реки. Найл проводил его долгим задумчивым взглядом. Ни один из предложенных рецептов не показался ему хоть мало-мальски привлекательным.

– Нефтис!

– Да, мой господин, – немедленно появилась в дверях девушка.

– Прикажи подать повозку. Я еду на детский остров.

На минуту он заглянул в свою комнату; даже не присев, выгреб душистое рассыпчатое мясо из мушиной грудки, запихнул в рот, запил большим глотком вина и, не обращая внимания на недовольный взгляд Джариты, отправился в путь.

* * *

В громадном здании из полупрозрачного розоватого пластика младенцы лежали везде. Они орали на кроватках, на столах, стульях, на полу, на подоконниках. Между ними, чудом никого не затаптывая, носились девушки с бутылочками, пихая их в рот то одному, то другому. Некоторые из детей сразу замолкали, сладостно причмокивая, но многие продолжали кричать, крутя головой и отпихивая руками соски. В воздухе висел плотный туман, сотканный из запахов молока и мочи, густо сдобренных непрерывным дитячьим воем. Однако Симеона правитель нашел не в этой кутерьме, а на берегу. Сгорбившийся и поникший, медик стоял перед высокой поленницей, в которой слои дров были проложены слоями мертвых детей. Жутковатое сооружение уже поднялось в два человеческих роста, но рабы продолжали и продолжали выносить погибших младенцев.

– Это я, Симеон, – положил Найл ладонь ему на плечо.

– Я понял, – безразлично откликнулся тот.

– Ко мне приходил Шабр. Предложил несколько путей оздоровления человеческого общества... – Симеон безразлично молчал.

– Он предложил или отлавливать диких людей в пустыне, или использовать слуг жуков, или пытаться подбирать пары из свободных людей...

– Пары из свободных людей? – хмыкнул Симеон. – Тебе что, этих детей мало?

Внезапно, словно сама собою, поленница полыхнула, начиная от дальнего края. Стремглав бросились прочь рабы, побросав свою ношу как попало. Вверх потянулся густой, черный, маслянистый дым, завоняло паленым мясом.

– Иногда мне кажется, что пауки нас просто перехитрили. – Симеон отвернулся от пламени и продолжил, не подозревая, что повторяет давние слова правителя Козака: – Им просто нужен был кто-то, кто сможет управлять людьми. Сражайся мы за свою свободу – и нам пришлось бы создавать свою организацию, новое общество, привыкать к дисциплине. Победив, мы заменили бы мир пауков на свой. А так... Они просто подвинулись, пустив тебя к власти и назвав это свободой. Но стоит попытаться изменить их отлаженную систему управления хоть чуть-чуть, как это сразу приводит к болезням, смертям, уродствам. И только у них все по-прежнему в порядке... А слуги жуков тебе не помогут, – внезапно изменил он тему разговора, –

они или рожают детей в своих семьях, или бегают в паучий гарем. Там их и угощают, и подарками осыпают, и любую женщину выбрать можно... Со свободными такой фокус не пройдет, они сами привыкли командовать. И сами выбирать. Так что единственный путь спасти людей от вырождения – новая облава в пустыне. У дикарей хорошая кровь, ее заряд держится в трех поколениях. Если взять хотя бы десяток пленников да получить от каждого по сотне детей... За три поколения свежая кровь разоидется между всеми. И никаких костров.

Скручиваемые жаром пламени, дети шевелили руками, ногами, словно пытались выбраться из страшного места, раскрывали и закрывали рты. Найл зажмурился и отвернулся.

– Я спрашивал совета в Белой Башне, и она отказалась ответить, – сообщил Найл. – Мне предсказали, что попытка вывести расу здоровых людей неминуемо приведет к войнам и кровопролитию.

– Почему?

– Симеон, только что ты предложил напасть на ни в чем не повинных людей, живущих в пустыне, разбить их семьи, сломать их жизнь. И как раз ради оздоровления нашего общества.

– Но ведь мы спасаем почти полумиллионный город от вырождения! А там всего лишь кучка дикарей. И этот захват пленных произойдет только один раз!

– Ты думаешь, все закончится одной стычкой? Но ведь мы еще даже не начали своего дела, а оно уже грозит сражениями. Ты знаешь, Симеон, после твоих слов я лишь уверился в справедливости предупреждения Башни. А что касается «кучки дикарей»... Я ведь сам родился в пустыне.

– Извини, не хотел тебя обидеть, – хмуро откликнулся Симеон. – Но только попытка оздоровить город, используя свободных людей, лежит через огромное количество вот таких костров... Так что нет у нас никакого выхода. Нет.

Медик развернулся и пошел в сторону дома, на темных стенах которого плясали багровые отблески костра.

Утром Найл проснулся с первыми лучами солнца. Но не яркий свет был причиной столь раннего подъема. Его пробудило ощущение перемены. В окружающем мире что-то произошло. Вот только что?

Он встал, накинул цветастый халат. Неторопливо прошлепал босыми ногами в соседнюю комнату, окно которой выходило на заброшенное здание. Ту самую комнату, в которой когда-то лежала засланная Магом девушка. Послушно распахнулись створки, впуская утренний освежающий воздух. Найл закрыл глаза, и сознание его раскрылось, впуская в себя невидимые вибрации окружающего мира, расширилось, накрывая собою город.

Город просыпался, ежась от ранней прохлады. Начинали двигаться люди – клеточки огромного организма, постепенно наполнялись сосуды тропинок и дорог, потянулись внутрь питательные ручейки от ближних ферм и полей.

Найл совершенно слился с гигантским живым существом, не замечая ни времени, ни холода, пока, наконец, гулкий удар грома не привел его в себя – со стороны моря на город надвигались тяжелые низкие тучи.

Быстро сгустился мрак, словно в испуге недвижимо замер воздух. Тучи повисли над крышами, пару раз деловито громыхнули и внезапно обвалились ливнем. Первые минуты вода просто падала сплошной стеной, потом плотность дождя ослабла, он разбился на отдельные струи. Стало видно дома, по стенам которых стекали ручьи, деревья с мокрыми обвисшими листьями, улицы, обратившиеся в бурлящие потоки, и, два десятка крепких, здоровых ребятшек, с воплями восторга бесстрашно кувыркающихся в этих потоках. Быть может, последних здоровых детей этого города.

Найл вспомнил костер, полыхавший вчера на острове посреди реки, и его передернуло.

– Вы замерзли, мой господин? – послышался голос Джариты.

– Нет, – повернулся к ней Найл.

Служанка стояла в дверях, красивая, сильная, широкобедрая, с высокой грудью и длинными густыми волосами. Пышущая здоровьем. И тем не менее у нее никогда не будет здоровых детей. Если только дети будут не от Вайга... Или не от него – дошло до Найла. Ведь он тоже уроженец пустыни, в его жилах тоже течет здоровая кровь!

Трудно понять, что заметила Джарита в долгом и внимательном взгляде правителя, но внезапно она развязала пояс, неторопливо скинула на пол тунику и, совершенно обнаженная, шагнула вперед.

– Я готова для вас на все, мой господин.

Тело Джариты оказалось намного бледнее смуглого лица, загорелых рук и ног. Светлое, как подбрюшье паука, оно порождало ощущение незащитности, податливости, мягкости, открытости. Широкие бедра, плоский живот... Высокая грудь с твердыми коричневыми сосочками, полуприкрытая темными шелковистыми волосами... Смущенно опущенный взгляд, отведенные за спину руки еще больше подчеркивали доступность девушки.

Правитель почувствовал, как поднимается пенис. Странно, но он не ощущал страсти душой, он как бы со стороны наблюдал за возбуждением тела, и все это порождало ощущение нереальности.

Джарита опустила на пол, пропустив волосы сквозь пальцы, вскинула руки над головой, согнула ноги и медленно развела колени. Член напрягся с такой силой, что заболело в паху, но разум оставался спокоен. Найл мог даже неторопливо обдумать, что именно через такие отношения и лежит путь к возрождению человечества, и, сознавая полную правильность своего поступка, тоже снял халат.

Найл вошел в Джариту сразу, без ласк и поцелуев. Она оказалась так влажна, что проникновение почти не ощутилось, но служанка резко втянула воздух, словно от боли, и выгнулась дугой, запрокинув голову. Глаза девушки были полуприкрыты и совершенно пусты, словно она потеряла сознание, но тело сильно и упруго отвечало толчкам правителя. Она облизнула губы, дыхание участилось, временами переходя в стоны... А разум Найла оставался совершенно бесстрастен. Он понимал, что тело его получает удовольствие, ему хотелось это удовольствие как можно дольше продлить, но разум все равно был абсолютно спокоен. Найл даже ощутил любопытство и попытался прощупать сознание Джариты.

Сознание служанки в нынешнем состоянии оказалось иным, нежели обычно. Оно как бы превратилось в жидкость, послушную любому воздействию – готовую расплескаться, перетечь, исчезнуть или быть впитанной. Больше того: через установленный Найлом контакт сознание Джариты потекло в него. Он начал ощущать в себе ее мягкость, послушание, покой и покорность судьбе, переходящую в фатализм. Тем временем тело девушки, словно отрицая присутствие сознанию черты, двигалось сильнее и сильнее, ее отдача намного превосходила силу толчков правителя, и скоро Найл почувствовал, как в области паха зарождается сладострастное ощущение, столь сильное, что захлестывает не только тело, но и разум, выкидывая хваленое спокойствие прочь, разрывая всякие контакты сознания, и из губ его вырвался громкий крик удовольствия.

Потом наступила слабость.

Найл откинулся на спину, тяжело дыша и не имея в голове ни единой мысли, а Джарита повернулась на бок и уткнулась носом ему в грудь.

– Господин, к вам... – Нефтис поперхнулась словами, увидев правителя, отдыхающего в объятиях Джариты. Служанка, победно улыбаясь, встала, подошла к начальнице охраны, подняла тунику у нее из-под ног и, гордо задрав голову, выплыла из комнаты.

– Господин, – взяла себя в руки Нефтис, – к вам Симеон. Он ждет вас на улице.

– Хорошо, я иду.

Начальница охраны четко повернулась вокруг своей оси и вышла, предоставив правителю одеваться в одиночестве.

Симеон сидел на крылечке под ногами паука и вяло кидал мелкие камушки в текущий по улице ручеек. Найл обратил внимание, что кто-то из разыгравшихся детишек ухитрился нацарапать рожицу на паучьем боку. Сделать это было нетрудно: хитиновый панцирь пауков совершенно нечувствителен ни к боли, ни к ласке, а в шуме ливня заметить озорника не смог бы никто. Поражала только наглость неизвестного мальчишки, не испугавшегося грозного стражника.

– Ты слышал новость, Найл? – отвлек его внимание главный медик.

– Какую?

– Дефективные дети исчезли.

– Как?!

– Никто не знает. – Симеон поднялся на ноги. – Пойдем погуляем.

Они направились вдоль дороги.

– Ты хочешь сказать, что все дети исчезли? – переспросил Найл.

– Осталось триста сорок семь здоровых детей. Остальные бесследно исчезли.

– Но как такое могло случиться?

– Ты знаешь, Найл: я никогда не решился бы умертвить их. Понимаю умом, что большинство никогда не смогли бы жить самостоятельно, что растить и кормить их всех нам не по силам, но убивать детей... Я не пошел бы на это никогда.

Найл осторожно проник в сознание собеседника и обнаружил, что тот испытывает облегчение. За него решили проблему, с которой он сам справиться не мог. И правитель не стал задавать вопросов.

– Они исчезли. Просто исчезли, и все. Нарушения Договора не было. Ты понимаешь меня? – Симеон кивнул и снова заговорил:

– Знаешь, Найл, так получается, что правителем города числишься ты, а порядки возвращаются назад, ко временам пауков. Они руководят и своими слугами, и рабами, и свободными людьми. Без их понукания, добровольно, не работает почти никто. Теперь так выходит, что они потихоньку могут есть людей. Просто потому, что иначе нам не справиться с больными, с дефектными от рождения и уж тем более с умершими. И наконец, получается, что и в пустыню на охоту за людьми они неизбежно должны отправиться. Причем с нашего, заметь, согласия. Так вот, давай покажем им фигу. Попробуем вывести расу здоровых людей без всяких охот и пленных. С помощью и с согласия свободных граждан. Хорошо?

Найл оказался не готов к этому вопросу. Несколько минут он шел молча, взвешивая за и против.

– Хотя чего там решать? На слуг жуков надежды нет, охоты на людей допустить тоже нельзя. Остается только один путь.

Правитель кивнул.

– Тогда я приду к тебе через пару часов. С Шабром. – Симеон не стал прощаться, он просто ускорил шаг, направляясь к реке.

Найл развернулся и пошел во дворец. Поднялся к себе, чтобы снять халат, и надеть дневную тунику. Бесшумно отворилась дверь. В комнату скользнула Нефтис. С чисто женской решительностью она молча скинула одежду и повалила правителя на постель.

От неожиданности правитель даже не сообразил, что делать. Пока он выбирал правильную линию поведения, начальница стражи развязала его пояс, откинула полы халата, уселась сверху на ноги, скользнула губами от его живота до подбородка, щекотая распущенными волосами, потом еще и еще. Когда боль в области паха стала казаться нестерпимой, Нефтис резко продвинулась вперед, с силой прижимая руки правителя к подушке, медленно опустилась, и Найл, невольно всхлипнув от возбуждения, ощутил, как его рвущийся из кожи вон член вошел в ее лоно. Нефтис не отдавалась, она брала, резкими движениями бедер доводя Найла до предела возможностей, и через считанные минуты он сдался. Словно сладостный взрыв произо-

шел в паху, и эта волна удовольствия захлестнула не только правителя. Волна вошла в Нефтис, и Найл ощутил, как девушка почувствовала в низу живота горячий импульс, расслабляющий и согревающий одновременно. Она наклонилась вперед, жарко поцеловала его губы, замерла на несколько долгих минут, потом поднялась, спрыгнула с постели, быстро оделась и вышла, так и не произнеся ни единого слова.

Симеон с Шабром появились через считанные мгновения после того, как покрасневшая, довольная собой Нефтис наконец-то отправилась по служебным делам. Паук опустился в ритуальном приветствии и немедленно перешел к делу:

– Мы предполагаем для начала провести отборку десяти пар. Поскольку внешние признаки в большинстве случаев наследуются от мужчин, то следует подобрать десять мужчин без внешних изъянов. Умственные способности значения не имеют, этот параметр будет подбираться по женской линии. При хорошем выборе родителей можно предположить, что, как минимум, половина детей окажется жизнеспособными. Если исходить из того, что за три года удастся получить сорок детей, то можно ожидать двенадцать-четырнадцать детей с приемлемыми внешними данными и шесть-восемь – с умственными. И, соответственно, два-три ребенка с совпадением обоих параметров. Крайне низкая производительность, но уважаемый коллега, – паук послал мысленный образ Симеона, – считает, что при положительных результатах можно будет давать рекомендации населению для заключения семейных союзов и перенести, так сказать, эксперимент в массы.

– Именно это мы и собираемся сделать, – подтвердил Найл.

– В таком случае вам понадобится отдельно стоящее, хорошо охраняемое здание, минимум с десятью комнатами.

– Охрана-то зачем? – удивился Найл.

– Видишь ли, Посланник Богини, даже в то время, когда за половую связь без разрешения полагалась смертная казнь, даже тогда случались нарушения. А сейчас, после отмены дисциплины и порядка, можно ожидать куда больших сложностей. Эксперимент предполагает чистоту опыта. Нельзя допустить, чтобы к женщинам проник посторонний человек. Кроме того, нежелательно исчезновение даже одного производителя, а вне охраняемого помещения могут случиться любые неприятные случайности. Особенно это важно в течение первого месяца: посторонние контакты не только снижают мужские репродуктивные способности, но и могут принести в лабораторию извне различные заболевания. Гибель подопытного материала в столь продолжительных исследованиях – непозволительная роскошь.

Прагматичные высказывания Шабра о столь интимных для людей вещах несколько покорили Найла, но с сутью предложения он вынужденно согласился.

– В таком случае предлагаю использовать пустующий дом рядом с твоим дворцом, Посланник Богини. С согласия Смертоносца-Повелителя я уже поставил в нем охрану из десяти пауков. Ремонтные работы начнутся сегодня же.

– С твоего позволения, Найл, – подал голос Симеон, – хочу просить уважаемого Шабра, учитывая его большой опыт, самого подобрать людей по внешним данным, а подборку женщин с нужными умственными способностями мы возьмем на себя.

– Благодарю за доверие, – прислал паук импульс благодарности, – но, учитывая положения Договора, желательно дать мне охрану, которая будет свидетельствовать о том, что я действую от твоего имени, Посланник Богини.

– Обязательно. – Найл позвонил в колокольчик, дождался появления Нефтис и приказал: – Выдели Шабру стражниц, и пусть они доставят во дворец выбранных им людей.

Паук опустился в ритуальном приветствии и вышел следом за ней.

– А нам нужно подобрать самых умных из женщин, – подвел итог Симеон.

– Есть у меня на примете две девушки. Давно со мной работают. Весьма толковые. То, что надо.

К удивлению Найла, организовать все оказалось куда проще, чем он думал. Слух о том, что правитель города ищет самых умных девушек, собрал на площади перед дворцом немалую толпу. Все девицы были красивыми, сильными, широкобедрыми, с высокой грудью и длинными густыми волосами. Нужно отдать паукам должное – они вывели человеческую породу высшего класса. Найл, прощупав умы, выбрал десять «невест», ментальная воля которых оказалась самой сильной.

Вскоре стражницы Нефтис привели десять выбранных Шабром парней. Все они были высоки, сильны и красивы, тут ничего не скажешь. Но вот разум их не намного превышал разум мухи. Мало того, у троих Найл не обнаружил совершенно никаких мыслей. Создавалось впечатление, что у них вообще нет мозга. Пытаясь понять, как они смогли выжить с нулевым интеллектом, правитель долго прощупывал их умы, но это напоминало попытку разглядеть ночью воду в глубоком колодце. Темная пустота.

Симеон долго объяснял избранникам важность их миссии. Найл, продолжавший в это время прощупывать мысли, понял, что молодые люди не только не возмущаются, но даже и не удивлены. Прежние порядки еще отнюдь не успели забыться. Воспитывались эти люди здесь, пауками, а не вольными «дикарями» в пустыне, как Найл.

Всех подопытных разместили в соседнем с дворцом доме, в отдельных комнатах, под охраной пауков. По настоянию Шабра в дом допускались только две женщины, и только для того, чтобы приносить продукты.

На три года отрезались они от прочего мира. Три года. Найл вспомнил, как он попал в плен к паукам и был привезен в город, как сбежал из дворца правителя Коззак и проник в Белую Башню, как совершил вместе со слугами жуков налет на арсенал, оставленный отправившимися к звездам людьми, и захватил жнецы, как отстаивал Хозяин жуков его жизнь перед Смертоносцем-Повелителем, как он отправился в Дельту узнать об источнике излучения, заставлявшего насекомых вырастать до нынешних размеров, и нашел там гигантское разумное растение, как сдал ему своих друзей и сдался сам, выбросив в реку все оружие, как в благодарность за это растение сделал его своим посланцем, как признали пауки его власть. И все это – за какой-то месяц. Целая жизнь – за месяц. А три года... Целая вечность. Не скоро, очень не скоро он узнает о первых итогах эксперимента, снова услышит об этих людях...

Найл даже не предполагал, что уже через пять дней в середине ночи его разбудит импульс ужаса, пришедший из этого дома.

Он услышал женский вопль – исполненный предсмертного ужаса крик – нервно дернулся и сел в постели. Джарита, после памятного ливня взявшая привычку пристраиваться на ночь в постель правителя, сонно чмокнула, разлепила глаза.

– Вам нужна постель поудобнее, мой господин, – пробормотала она, – тогда вы не будете просыпаться ночью.

Найл только усмехнулся в ответ. Для него, спавшего почти всю жизнь на узком скальном уступе в пещере, пружинная кровать с поролоновым матрасом казалась столь же сказочным явлением, сколь муравью-листорезу показалось бы рагу из кролика.

– Ты ничего не слышала?

Джарита неразборчиво буркнула, проваливаясь обратно в объятия Морфея. Конечно, нет. Услышав подобный вопль, невозможно остаться безразличным.

Значит, это был ментальный крик, последний, отчаянный всплеск мыслей увидевшего смерть человека. Правитель встал – служанка тут же развалилась на всю постель, – накинул халат.

Только что где-то здесь, рядом, убили женщину – он не сомневался в этом ни на мгновение. Но как определить, где?

Найл прошел по коридору, растворил дверь в комнату Нефтис. Девушка настороженно вскинула голову, но тут же расплылась в довольной улыбке. Она приглашающе откинула край одеяла и грациозно потянулась, изогнувшись всем телом.

– Нефтис, твои стражницы все живы?

– Что? – Наверное, не меньше пяти ударов сердца переваривала она вопрос. На пятом ударе взгляд ее из маняще-сладкого стал холодно-жестким. Она откинула одеяло и выскочила в коридор, едва не сбив правителя с ног. Вернулась примерно через минуту. Немного подумала, поглядывая на Найла, и стала одеваться. Дворец постепенно наполнялся молчаливой суетой. В комнату начальницы стражи одна за другой заглядывали девушки, почтительно кланялись Найлу и отрицательно покачивали головой, обращаясь к Нефтис. Правитель ждал.

– Вы можете меня наказать, мой господин, – подвела наконец итог Нефтис, – но в вашем дворце никто не пострадал. – И с явной обидой добавила: – Даже Джарита.

– Наоборот, Нефтис. Я вижу, ты отлично знаешь свою работу. Извини, что побеспокоил. Спи, я пойду.

– Извините, мой господин, но после вопроса, подобного вашему, начальница охраны уже не имеет права спать и уж тем более отпустить правителя одного. Я пойду с вами.

Найл не стал спорить, он торопился осмотреть улицы вокруг дворца. Предсмертный вопль прозвучал совсем недавно, и скорей всего с той стороны, куда выходят окна его комнаты.

У парадных дверей стоял Меченый – так про себя прозвал Найл паука с рожицей на боку.

– Ты слышал что-нибудь? – спросил у стражника правитель.

Этот паук, обычный боец, не умел разговаривать с людьми, но Найл, уже набравшийся опыта общения с пауками, смог распознать мысленное согласие. Меченый ощутил ментальный крик.

Найл почти бегом бросился вдоль дворца. Улица под его окнами была совершенно пустынной. Зато светилось окно дома напротив. Дома, в котором шел эксперимент. Найл подошел к пауку, охранявшему вход, и сразу ощутил смятение в его сознании. Охранник, несомненно, узнал Посланника Богини.

– Начальника, – потребовал Найл и вошел в дом. Сзади вскрикнула Нефтис – паук не рискнувший остановить Посланника Богини, довольно грубо пресек попытку девушки пройти следом за господином. Громко ругаясь и потирая ушибленное плечо, она упрямо уселась в песок прямо перед глазами охранника.

Навстречу правителю выбежал на арочных ногах молодой, но довольно крупный паук, и опустился в ритуальном приветствии. В уме его царил сумятица.

– Что у вас тут происходит? – четко и раздельно спросил Найл.

– Исчезли два бойцовых паука, – растерянно подумал паук.

– Дальше, – потребовал правитель.

– Исчезли пятеро людей.

– Дальше.

– Одна из женщин не дышит.

– Покажи.

Паук развернулся и побежал вверх по лестнице. Двери трех комнат были открыты, в одной из них лежала на полу обнаженная девушка с растрепанными волосами. Полуоткрытый рот, бессмысленно вперившийся в потолок взгляд.

– Это не я парализовал ее, – метнул боязливую мысль паук и попятился назад, ощутив ярость Посланника Богини.

– Похоже, ваши подчиненные решили пойти по стопам Скорбо? Вы решили полакомиться доверенными вам людьми?

– Это не так, – пытался оправдаться паук.

– Они парализовали ее, но вынести еще не успели! Вы нарушили Договор!

На лестнице появился Шабр. Он ловко промчался по стене, выдвинул голову в дверкой проем, Найл ощутил его злость по отношению к тем неизвестным, которые сорвали эксперимент – первый опыт, разрешенный после долгого перерыва. Еще лучше это «услышал» начальник караула, усыхавший прямо на глазах. Он уже чуял грядущую кару.

– Загляни в ее мысли, Посланник Богини, – внезапно предложил Шабр.

Найл попробовал это сделать... и ничего. Словно заглянул ночью в глубокий колодец.

– Она не парализована, она мертва, – подвел итог Шабр. – Это сделал не паук, мы не имеем привычки без пользы уничтожать пищу.

– Она не первая, – вспомнил Найл, – трое мужчин, выбранных для опыта, тоже были мертвы.

Он послал Шабру картинку с тремя странными парнями и ощущением от прощупывания их сознания.

– Мертвые не могут жить, – отказался поверить паук, но правитель немедленно отправил ему воспоминание о покойнике, бредущем по улице с чужой головой под мышкой.

– Похожее уже было. Мертвые могут жить... Если ими владеет Маг.

Прошло больше полугода с тех пор, как ему пришлось расследовать гибель Скорбо, разгадывать загадки дышащих злобой божков и оживающих покойников, отлавливать лазутчиков Мага. Давненько о нем не было слышно... И вот, похоже, он опять прислал в город своих шпионов.

Не успели появиться, как уже нагадили.

Найл старательно, во всех подробностях, вспомнил внешность трех мужчин, чье сознание он так долго исследовал. Один – с темными прямыми волосами и свежим, еще розовым шрамом на щеке, другой – курчавый, с глубоко утопленными карими глазами и длинным носом, а третий, с виду еще молодой, имеет волосы с проседью и густые брови. Их нужно немедленно найти!

– С твоего позволения, Посланник Богини, я сейчас же направлюсь к Смертоносцу-Повелителю и спрошу разрешения на облаву! – сразу понял серьезность положения Шабр.

– А я отдам приказ людям.

– Не нужно. – Шабр умел мыслить четко и правильно. – Люди не знают, кого искать, а паукам я могу прямо сейчас передать мысленную картинку.

Далеко не впервые Найл удивился огромным способностям, отличающим пауков. Вне всякого сомнения, в это самое мгновение все смертоносцы города уже знали, как выглядят разыскиваемые люди, и немедленно приступили к поискам. При бесконечном терпении, свойственном паукам, у лазутчиков Мага не оставалось никаких шансов. Рано или поздно, но они будут схвачены, если только не успели сбежать.

Посланник Богини разрешающе кивнул Шабру, не обратившему на этот жест ни малейшего внимания, и отправился прочь.

Нефтис ждала господина на улице, вперила в паука-охранника ненавидящий взгляд. Увидев Найла, она облегченно вздохнула и пошла рядом, положив ладонь на рукоять висящего за поясом ножа.

– Ты можешь не беспокоиться, – сообщил Найл, – смертоносцы уже ищут преступников.

– Но еще не нашли, – сурово отрезала начальница стражи. – И до тех пор я не оставлю вас одного ни на мгновение.

Спорить Найл не стал, решив отложить все проблемы до утра. Он прошелся по коридорам дворца, на каждом шагу ощущая настороженное внимание стражниц, убедился, что ничего, отмеченного аурой зла, в дом не проникло, и с легким сердцем отправился в свои покои.

Джарита продолжала безмятежно спать, раскинувшись на постели правителя, и вся суэта этой ночи пронеслась мимо нее, даже не коснувшись: волосы разметались по подушке, одеяло

натянута до ушей, да так, что розовые пяточки выглядывают наружу. До двери доносится сочное посапывание. Даже трогать жалко.

– Но вам обязательно нужно отдохнуть, мой господин, – шепнула на ухо Нефтис. – Идемте.

Она привела Найла в свою комнату, раздела, уложила, прикрыла одеялом и села рядом.

– Я буду здесь, – тихонько сказала она, склонив голову к самому его лицу, – я не отойду от вас ни на мгновение. – Девушка нежно погладила его плечи, руки, живот, коснулась губами шеи, ее волосы щекотно заскользили по коже, и Найл понял, что после стольких событий ему обязательно нужна разрядка. Словно прочитав его мысли, Нефтис скользнула в постель и ждала господина в крепких объятиях.

На этот раз все происходило значительно медленнее, чем впервые, и Найл довольно долго мог сохранять разум спокойным. Он коснулся мыслей Нефтис и понял, что в такие минуты ее сознание тоже становится жидким. Но если при любовном контакте с Джаритой сознание девушки перетекало к нему, то на этот раз он ощутил, что утекает его сознание. Правда, как ни странно, он не теряет ни своих мыслей, ни желаний, ни чувств. Может, это вовсе не сознание, а что-то другое? Найл попытался уследить за уходящим потоком и внезапно понял, что его сознание постепенно замещает в Нефтис ее мысли, а суть девушки просто вытекает по сторонам наружу. Как может сознание существовать вне тела? Только если это не сознание. Некая эфемерная часть его организма втягивалась в Нефтис, заполняя образующуюся пустоту. И точно такую же эфемерную часть он втягивает в себя при контактах с Джаритой.

Внезапно Найла осенило: энергия! Сильная, бодрая, энергичная Нефтис всасывает в себя энергию из него, а сам он втягивает энергию из мягкой, покорной Джариты...

Но тут ласки Нефтис довели его до той стадии, когда мысли стали путаться и разум целиком и полностью захлестнула страсть.

Найл нисколько не сомневался, что паукам удастся поймать беглецов в ближайшее время, а потому приход Дравига вскоре после полудня его не удивил. Удивила злоба, которой веяло от начальника охраны Смертоносца-Повелителя. Паук не стал тратить время на приветствие, он просто выстрелил в правителя городе мысленной картинкой.

Найл увидел две пустынные улицы, залитые ярким солнечным светом, которые сходились у полуосыпавшегося дома из желтого кирпича. Обе улицы медленно надвигались на него, из чего было ясно, что мысленная картинка исходит сразу от нескольких пауков. Одну из улиц неторопливо пересекал человек в одежде раба. Найл всем телом ощутил рывок, словно это он сам стремительно рванулся вперед и навис над рабом. Тот повернул голову. Мелькнул розоватый шрам на щеке, и правитель невольно вздрогнул: беглец! Один из «живых мертвых»! Он еще успел почувствовать радость удачи, когда человек, который должен был замереть на месте, демонстрируя покорность, внезапно нырнул ему под брюхо, и у Найла опасно похолодело в животе. Паук резко склонился, но негнущееся тело не позволило достать беглеца. Смертоносец быстро развернулся на широко расставленных ажурных лапах и кинулся вслед за рабом, заскочившим в черный проем двери дома. Правитель города увидел темный пустой коридор, и смертоносца, входящего в дом, и двух смертоносцев у почти разрушенного кирпичного дома. Картинка шла почти от десятка пауков.

Пустой коридор. Он мысленно прощупал весь дом, потом проход. Пустота. Коридор стал медленно надвигаться. Осколки кирпичей, древесная труха, легкий запах крысиного помета. Ничего... Ничего... И вдруг картинка исчезла. Одновременно Найл увидел, как позади паука выросла человеческая фигура, вспрыгнула на спину восьмипалому охотнику и взмахнула рукой. Несколько долгих мгновений Найл осознавал произошедшее, складывая мозаику увиденного и прочувствованного в единое целое, прежде чем понял всю чудовищную невероятность случившегося. Только что на его глазах человек убил паука!

Душу его наполнила слепая ярость, и он рванулся вперед. Человек обернулся. Удивленно приподнял брови и... И спокойно шагнул навстречу!

Стремительно мчащийся в атаку паук еще успел подумать, как долго и мучительно будет умирать на площади этот взбесившийся раб, и уже вскинул хелицеры, готовясь впрыснуть парализующий яд, когда человек сделал шаг в сторону, скользнул под арку передней ноги паука и с силой ударил короткой тонкой палкой, зажатой в руке. Лапа обломилась, а человек немедленно ударил по другой. Паук содрогнулся от боли и попытался достать хелицерами находящегося совсем рядом, сбоку, раба... Но пауки не умеют поворачивать головы. Смертоносец крутился всем корпусом, а человек двигался следом словно привязанный и со всей силы бил по основанию третьей лапы. Брызнула белесая слизь. Смертоносец завалился набок и ощутил резкую боль в затылке.

А может быть, эту боль ощутил только Найл. Он увидел, как распрямились в предсмертной судороге уцелевшие лапы, переворачивая тело смертоносца на спину, как от толчка человек выкатился из дома на середину улицы и ловко вскочил на ноги. Тем временем к месту схватки успели собраться почти два десятка пауков. Они окружили раба плотным кольцом, оставив лишь несколько шагов свободного пространства.

Человеку оставалось только одно – упасть на колени и молить о пощаде, о быстрой и не очень мучительной смерти. Но он лишь пригнулся, тяжело дыша и сжимая в руке свое странное оружие.

Смертоносцы ударили волей одновременно – ментальным хлопком прибило пыль. На рабе мгновенно обвисла одежда, его колени согнулись, но он не упал, скрученный этой необоримой силой, а медленно, с натугой пошел вперед. И тогда пауки бросились в атаку. Двадцать против одного.

Найл видел человека со спины, видел, как тот успел ударить приблизившегося первым паука прямо в лицо и стал разворачиваться. Но не успел: другой смертоносец схватил раба, а затем, горя яростью, сжал хелицерами с такой силой, что тело переломилось пополам.

– Вы нарушили Договор, – мрачно объявил Дравиг правителю, еще ощущавшему себя в теле паука. – Человек убил трех смертоносцев.

– Этого не может быть! – вскинулся Найл. – Человек не может победить паука. Это наверняка колдовство! Это посланец Мага!

– Ты знаешь, что жизнь смертоносца равна жизни ста людей, – неумолимо продолжал Дравиг, – и именно люди нарушили Договор.

– Этого не может быть!

– Ты знаешь древний закон, Посланник Богини, – повторил Дравиг. – Жизнь смертоносца равна жизни ста людей. Завтра Смертоносец-Повелитель ждет твоего ответа. Сохранение Договора зависит от тебя.

Открылась дверь, двое пауков внесли останки раба, бросили на пол, после чего замерли за спиной Дравига. Несколько мгновений смертоносцы стояли без движения, затем четко развернулись и покинули комнату. Покинули, не сделав ритуального жеста приветствия.

Правитель города остался один, постепенно осознавая весь ужас произошедшего. Если пауки не отдали ему приветствия, значит, они уже не считают необходимым соблюдать Договор. Значит, они в любой момент могут наугад выбрать триста человек и устроить показательную казнь. А что способны противопоставить люди? Год назад они держали в руках жнецы и могли диктовать свою волю, но сейчас... Арсенал разрушен. Оружие, принадлежавшее людям, он утопил своими собственными руками. Жнецы, которые находятся на сохранении жуков-бомбардиров, Хозяин не отдаст. Ведь именно люди нарушили Договор. Что же делать?

Найл подошел к окну, распахнул его настежь. Глубоко вдохнул свежий воздух.

По площади от дворца удалялись три паука... А у дверей оставался на своем посту Меченый. Смертоносцы не сняли караула. Значит, все еще считают его Посланником Богини и

готовы закончить дело миром. Но как этого добиться? Как доказать свое желание продолжать жить на условиях Договора? Первым его порывом было собрать Совет Свободных. Но он тут же понял, что дело погрязнет в долгих бесполезных разговорах. А времени отведено только до завтра. Разбираться придется самому.

Найл прокрутил в голове разговор с Дравигом, пытаясь понять, чего желает Смертоносец-Повелитель.

Человек убил трех пауков. Жизнь трех пауков равна жизням трехсот человек. Значит, он должен выдать на казнь триста людей или... Или доказать, что убийца – не человек.

Найл бросился к погибшему, присел рядом. Раб как раб. Разве слишком чистенький. Посланники Мага всегда были чистенькими – не то что безразличные к своей внешности рабы. Но опрятность не доказательство. Опрятный человек – тоже человек.

– Нефтис! – закричал правитель и решительно приказал явившейся начальнице охраны: – Симеона сюда. Немедленно.

Одежда мертвеца пропиталась кровью насквозь, и определить что-либо по ней было невозможно, а вот обувь показалась Найлу весьма странной. Это были и не грубые деревянные сандалии, которые носило большинство рабов, и не мягкие кожаные тапочки, выдаваемые слугам пауков. Нечто среднее. Толстая, но легкая подошва из неизвестного материала и мягкий верх, пришитый толстыми нитками.

Правитель повертел обувь в руках, поставил рядом с собой и попытался разжать покойнику кулак. Человек, даже мертвый, держал тонкую металлическую палочку довольно крепко, и вырвать ее стоило немалых сил. Оказавшись в руках Найла, оружие внезапно раскрылось – сама палочка оказалась легким ложем и одновременно рукоятью, из которой под действием собственной тяжести выпадал и останавливался под прямым углом довольно тяжелый стержень, заточенный на конце под тупой конус. Правитель попробовал острие на руке – оно не оставляло даже царапины.

Хлопнула дверь, в зал раздраженно вбежал Симеон.

– Да что такое происходит! Хватают, тащат! Что за выходки, Найл?

– Посмотри сюда, Симеон. Ты можешь определить, откуда в нашем городе появился этот человек?

– Могу, могу. Но какого рожна вытаскивать человека за шкуру из-за стола и волочь сюда! Не могли пригласить по-человечески?

– Скажу тебе одно, Симеон. Нам грозит война с пауками.

– Это серьезно? – несколько поостыл медик.

– Вполне. Человек, которого ты видишь перед собой, только что убил трех пауков.

– Вот это да, – присвистнул Симеон, – молодчина парень!

– Может, и молодец, но только пауки теперь требуют сатисфакции. Ты помнишь закон?

– Мда... – Медик помрачнел, начиная осознавать серьезность происходящего.

– Нужно доказать, что это лазутчик Мага, или придется выдать Смертоносцу-Повелителю триста человек для показательной казни.

– Доказать... Доказать... – Симеон присел рядом с трупом, быстро ощупал его сухонькими желтыми пальцами. – Какой красавчик... Какой крепыш... – Медик взял в руки обувь мертвеца, покрутил в руках, хмыкнул.

– Должен тебя сильно огорчить. Маг не имеет к этому человеку никакого отношения.

– Почему?

– Во-первых, у всех лазутчиков Мага была удалена перепонка между пальцами ног, а у этого парня с ногами все в порядке. Во-вторых, те были хилыми и бледными, а этот крупный, сильный, кровь с молоком. И наконец, те были одеты в одежду, похожую на тряпье рабов, а у этого обноски натуральные, только чисто выстиранные, судя по не залитым кровью местам.

– Но как ему удалось в одиночку убить трех пауков-смертоносцев?!

– У него был опыт. – Симеон протянул правителю обувку погибшего: – Тебе это ничего не напоминает?

– А что?

– Подошва сделана из хитинового панциря паука...

Найл замолк, пытаясь разобраться в мыслях, но в голове билось одно: «Хорошая подошва, легкая и прочная... Хорошая подошва...»

– Что же делать?

– Не знаю, – пожал плечами Симеон, – но если ты в качестве оправдания сообщишь Смертоносцу-Повелителю, что кто-то делает из пауков ботинки, он вряд ли успокоится.

– О богиня Дельты! – Найл заметался из угла в угол. – Но что же делать?

– Спроси у Белой Башни, может, она что присоветует.

– Да. – Несколько дней назад отказ Стиига помочь в оздоровлении населения сильно обидел правителя, и с тех пор он больше не навещал оставленный для наблюдения за Землей компьютер. Теперь было не до старых счетов. Найл сдернул со стола скатерть, быстро завернул в нее оружие незнакомца, его обувь, закинул за спину. И устремился вперед.

* * *

На этот раз старец встретил Найла в огромном шатре, высланном коврами. Сам Стииг, завернувшись в парчовый халат, возлежал среди подушек и курил кальян. Между ним и кальяном, топча желтоватую трубку, отчаянно пытался догнать собственный хвост маленький, невероятно мохнатый котенок. Посланник Богини вспомнил, как погибший паук, закованный в жесткий хитиновый панцирь, безуспешно пытался достать хелицерами находившегося совсем рядом человека, и невольно позавидовал вертлявости когтистого малыша.

– Присаживайтесь, мой дорогой друг, – пригласил старец, косясь любопытным глазом в сторону свертка, – дайте отдохнуть своим ногам, вдохните вместе со мной несколько глотков этого ароматного дыма, полного ядовитых фенолов, смол и смертельно опасного никотина.

– Посмотри на это, Стииг. – Найл развернул скатерть, не обращая внимания на имитацию восточного гостеприимства. – Ты не подскажешь, что это, для чего и откуда?

– Сначала объясни, откуда ты это взял. – Старец неторопливо отложил мундштук кальяна и погладил длинную окладистую бороду.

– Несколько часов назад один человек убил трех пауков-смертоносцев. Это принадлежало ему.

Старец склонился над развернутой скатертью и восхищенно застонал:

– Боже мой, какая прелесть! Ну наконец, наконец-то все начинает проясняться. – Он погладил бороду и ласково попросил: – Будьте так любезны, мой юный друг, переложите эти предметы на лабораторный столик.

Угол шатра задрожал, рассеялся и обнажил уже знакомые Найлу агрегаты Белой Башни – широкий лабораторный стол, окруженный массой манипуляторов, и синтезатор пищи.

– Ты пока чего-нибудь перекусишь, – пояснил Стииг. Голограмма шатра внезапно исчезла вместе со старцем – Стигмастер собирался использовать все возможности своего электронного мозга для анализа.

Найл не стал особо раздумывать над меню и заказал себе тройную порцию фруктового мороженого: нигде, кроме как в Белой Башне, такого лакомства не получить. К тому времени, когда он уже облизывал ложку и подумывал о добавке, в воздухе вновь нарисовался Стииг.

– Сегодня ты сделал мне замечательный подарок, Найл, – с чувством искренней благодарности заявил он. – Закрыв раз и навсегда вопрос, который мне не удавалось разрешить больше трехсот лет.

– Поздравляю. – Правитель с сожалением отставил в сторону тарелку и спросил: – Тебе удалось определить, откуда взялся этот человек?

– Скорее всего, он родился и вырос здесь, в этом городе.

– Этого не может быть! – вскочил на ноги Найл. – Он только что убил трех пауков-смертоносцев. Один – трех! Нормальный человек на это не способен!

– Ты хочешь сказать, Найл, совсем другое, – мягко поправил Стииг. – Ты хочешь сказать, что никто из людей этого просто не делал.

– Но ведь победить паука-смертоносца все равно невозможно... – Правитель запнулся: он вспомнил, как два года назад, в пустыне, своими собственными руками насмерть забил одного из пауков. Это было страшно, но совсем нетрудно. Смертоносец отчаянно пытался парализовать его своей волей, но воля юноши оказалась сильнее.

– Да, да, – словно подслушав мысли, закивал старец. – Они просто-напросто никогда не встречались с людьми в открытом бою.

– Ты забываешь про битву Великого Хеба с Айваром Жестоким, когда паукам удалось перебить все человеческое войско.

– Да, помню, помню. Ты повторяешь мне историю, которую поведали тебе усопшие смертоносцы. Да, действительно, когда пауки впервые достигли того уровня, что воля их могла парализовать некоторых из людей, а яд оказался способен свалить и лошадь, был такой случай. Нападение на армию Айвара было внезапным, а внезапность очень часто позволяет слабым повергнуть в бегство сильных. Могучий Хеб рассказал тебе об удачной битве, но забыл объяснить, почему после столь полной победы пауки сбежали из долины, почему позволяли долгие десятилетия отлавливать своих сородичей для получения яда, которым люди парализовали скот на зиму, почему их великая победоносная армия, перебравшись в город, спаленный давным-давно Скапой Хитрым, пряталась даже от пастухов. Тебе не показалось это странным, мой юный друг?

– Однако именно пауки правят этим миром!

– Правильно. А ты помнишь, как они добились власти? Они растили в своих семьях украденных детей, воспитывая преданность себе и презрение к людям, а потом подсылали в деревни и города. Прижившись и хорошо разобравшись в обстановке, лазутчики выбирали удобный момент и запускали смертоносцев в селение. Если захват не удавался, смертоносцы начинали все сначала. Ведь терпение пауков бесконечно. Они способны ждать своего часа годами и десятилетиями. Сражений не было ни одного – лишь длинная череда предательств. Про неудачи тебе не рассказывали, только про победы. Пауки не желают, чтобы кто-то усомнился в их могуществе. Именно поэтому, добившись власти, они вычеркнули из памяти все поражения, именно поэтому они организуют показательные казни, именно поэтому убивают сто человек за каждого погибшего паука к устраивают грандиозные облавы на виновных, именно поэтому убивают каждого, кто способен хоть шелохнуться под напором их воли. Их главное оружие – страх. Страх, который они сумели донести даже до глубин пустыни, до джунглей Дельты. Каждый человек, увидевший паука, немедленно замирает, боясь сделать малейшее движение. Ведь любое движение – смертный приговор. Попытка сразиться с пауком неизменно вызывает нашествие многотысячной армии смертоносцев.

Найлу вспомнился рассказ деда о том, как однажды в песках был случайно убит смертоносец и уже через неделю пустыню наводнили тысячи и тысячи пауков, род деда был разгромлен, а мужчины публично подвергнуты долгой мучительной казни.

– Кстати, Найл, – опять к месту поинтересовался Стииг, – как по-твоему, если пауки столь могучи и сильны, то почему они отправляют тысячные армии туда, где хватило бы десятка воинов? Молчишь? Тогда смотри!

Внезапно из-за далекого горизонта накатила гигантская волна, накрыла правителя с головой и столь же стремительно схлынула, оставив за собой широкую полосу мокрого пляжного

песка. Найл запоздало вскрикнул от ужаса, и тут до него дошло, что он видит всего лишь голограмму, а к голограммам ему давно пора привыкнуть. Крупных волн больше не было – только ленивый прибой теплого южного моря. Среди пенистых барашков появился темный округлый предмет, приблизился, и на берег неуклюже выбралась крупная морская черепаха. Она остановилась, поводила головой из стороны в сторону, получила крепкий пинок от очередной волны и, тяжело загребая лапами, поползла вперед.

– Тебе знакомо это животное, Найл? – с улыбкой спросил старец.

– При чем тут черепаха?

– Дорогой Найл, ты видишь единственного представителя животного мира, который при весе, примерно равном весу паука, имеет достаточно прочный наружный скелет. Но по прыти ему до пауков очень и очень далеко. Так вот. Когда-то, очень давно, столетия назад, люди тоже носили доспехи. Они надевали стальные панцири во много раз более прочные, чем черепашьи, и казались совершенно неуязвимыми. Именно тогда было изобретено такое оружие, как чекан.

Рядом с черепахой свалился на песок предмет, напоминающий половину кирки. Черепаха немедленно втянула голову и лапы, почему-то оставив снаружи хвост.

– Принцип действия сего инструмента заключается в том, что сила удара концентрируется на очень маленьком участке поверхности. Меньше миллиметра. Приложив усилие всего в тридцать килограммов, можно получить давление в точке удара до трех тонн! Кстати, именно поэтому чеканы никогда не точили. Все равно подобной нагрузки не выдержит ни одно острие. И ни одна броня тоже.

– Стииг, ты рассказываешь мне сказки из истории, а между тем всем людям города грозит опасность новой войны с пауками!

– До тебя очень долго доходят совершенно элементарные истины, Найл! – сурово парировал старец. – Оружие незнакомца, которое ты мне принес, больше всего напоминает складной чекан. Рыцарские доспехи им, конечно, не пробить, но мягкий хитиновый покров смертоносца он продырявит, как кленовый листок.

– Вот это да... – невольно выдохнул правитель, беря в руки металлический стержень. – Не может быть.

– Может, может. Вот только непонятно, почему моя аппаратура уже десятилетия не может уловить мозговых импульсов этих изобретателей, несмотря на все старания.

– Постой, Стииг, – вскинулся правитель. – Ты хочешь сказать, что подозревал о существовании этого человека?

– Если быть более точным, то о существовании живых организмов подобной пищевой ориентации.

– Но откуда ты мог знать?

– Всесторонний анализ, обобщение, логические выводы.

– Нельзя ли попонятнее?

– Можно, – согласился старец и уселся в невесть откуда появившееся кресло-качалку. – Вспомни, где хоронили людей до заключения Договора?

– Нигде. Их пауки пожирали. Каждого достигшего сорока лет отправляли, как они говорили, в «Счастливые Края».

– Прекрасно. А где хоронят пауков?

– Их помещают в подземные хранилища, где пользуются памятью мертвых для восстановления событий прошлого.

– Ай-яй-яй, Найл. Какая невнимательность! Сохраняются тела лишь нескольких десятков правителей и их советников. А где остальные? Каждая самка приносит в год почти сотню паучат. Почти половина погибает еще в детском возрасте – при таком количестве детей всех не убережешь. Часть подросших паучат отправляется в экспедиции на воздушных шарах или пешком, но почти четверть выводка остается в городе! Это примерно десять детенышей на каж-

дого взрослого в год! А численность смертоносцев в городе практически не меняется. Паучата растут, взрослеют. И чем они старше, тем меньше их остается... Раз в двадцать-тридцать лет кто-то из великих смертоносцев отправляется на вечный покой в подземные комнаты. Но куда исчезают остальные?

– Не может быть! Если бы пауки исчезали, это было бы замечено!

– Насколько мне известно, смертоносцы отрицают всякую науку и не ведут учета даже собственных слуг. А считать самих себя не станут тем более.

– Ты намекаешь, что этот человек...

– Я не намекаю, я делаю выводы. Всегда различали два типа реакции на опасность: или пассивный – затаиться и ждать, или агрессивный – броситься в ответную атаку. Людей с первым типом реакции пауки культивировали, а со вторым – всячески истребляли. Но если с покорными человечками проблем не возникало, то любое нападение на человека агрессивного для паука чревато гибелью. Ведь паук наносит удар в первую очередь волей, стремясь вызвать страх. И вдруг – оп-па! Чем сильнее страх, тем злобнее ответная реакция. Смертоносцы, того не желая, отобрали сильнейших и опаснейших врагов в отдельную, вольную группу. И к тому дню, когда пауки построили государство, вольные люди тоже нашли в нем свою нишу.

– Не может быть! Ведь про них никто и никогда ничего не слышал!

– Любые подобные слухи пресекались самым жестоким образом. Смертоносцы стремятся к славе непобедимых. Это во-первых. А во-вторых, вспомни, зачем пауки сохранили жизнь правителю Коззаку, что он предлагал тебе?

– Руководить людьми. Пауки хотели иметь правителя, который сам управлял бы людским населением и избавил их от хлопот.

– Вот видишь! Зачем заниматься хлопотливой работой, если можно просто снять урожай?

– Значит, пауки хотели дать свободу людям лишь для того, чтобы не руководить, не растить, не кормить их, а только есть?

– Да.

– А некие дикие люди точно так же питаются пауками?

– Вряд ли их можно назвать «дикими». – Стииг указал на вещи погибшего человека.

– И эти люди даже не попытались помочь своим собратьям, попавшим в рабство?!

– Есть один непреложный закон природы, дорогой Найл. Хищник всегда умнее своей жертвы. Иначе ему не выжить. Выводя породу рабов, пауки довели слуг до такой деградации, что те без специальной селекции даже полноценных детей иметь не могут. А свободные люди невольно становились ловчее, умнее, хитрее. Вряд ли безмозглые рабы и безропотные слуги вызывают их сочувствие.

– Нет, этого не может быть! Неужели смертоносцы до сих пор не поняли, что их едят, как обычных людишек?

– Но ведь и слуги об этом до сих пор не догадываются.

– О богиня Дельты! – вскинул Найл руки к небу. От массы нахлынувших сведений в голове воцарился полный сумбур. Люди едят пауков, пауки – людей. И жизни одних переплетаются с жизнями других. Смертоносец-Повелитель завтра ждет ответа. Что ему сказать? Что он сам скоро станет завтраком?

– Послушай моего совета, Найл, – мягко попросил Стииг. – Воспользуйся умиротворяющей машиной. Твоя нервная система нуждается в поддержке, твоему организму нужна подпитка энергией. Отдохни.

– У меня нет времени, Стииг.

– Тебе нужно успокоиться. Полный покой, и ответ придет сам собою...

Правитель тоже начал понимать, что в таком состоянии не сможет найти правильного решения, а потому позволил усадить себя в уютное кресло и надвинуть колпак. Он ощутил,

как на него полилось тепло, нежные потоки энергии, наполняющие каждую клеточку до краев, снимающие напряжение, волнение, страх... Машина отдавала ему энергию точно так же, как солнце дает ее растениям, а они передают ее людям, передают вместе с плотью, жизнью, а люди отдают энергию паукам, пауки – людям, и она добирается до самых дальних закоулков гигантского организма по имени Город. В этом нет ничего страшного, ибо жизнь не исчезает, она лишь переходит из одной формы в другую. Нет ничего плохого, когда человек поедает паука, а паук человека, это лишь обычный круговорот жизни, и потому каждый должен быть счастлив на своем месте.

Найл открыл глаза. За прозрачным куполом Башни, далеко-далеко, над тонкой нитью горизонта появились первые, розоватые лучи утреннего солнца. Наставал новый счастливый день. Посланник Богини чувствовал себя бодрым и отдохнувшим. А главное – теперь он знал, что скажет Смертоносцу-Повелителю.

* * *

На улице было свежо. Найл поежился, покрываясь гусиной кожей, закрыл глаза, медленно, словно выпивая чашу колодезной воды, втянул в себя влажный утренний воздух, и без малейшего усилия ощутил размеренные вибрации города. Вибрации совершенно здорового организма. Оставалось только сохранить этот покой. И Посланник Богини неторопливо направился в сторону дворца Смертоносца-Повелителя.

На этот раз почетного караула охранниц не было. Правителя города встречал только Дра-виг, который демонстративно не стал приветствовать Посланника Богини. Паук просто отодвинулся в сторону, освобождая проход, и с предельной корректностью коснулся сознания гостя, «подсвечивая» дорогу.

Под куполом главного зала царила суровая тишина. Наверное, такое возможно только при общении с пауками: не колыхнулось еще ни единой мысли, не прозвучало ни единого слова, а уже совершенно ясно продемонстрирована вежливая враждебность к будущему собеседнику.

Смертоносец-Повелитель не испытывал ненависти, но не имел права простить нарушения Договора, не имел права простить смерти своих братьев.

Однако истина превыше всего – и он готов выслушать представителя преступников, принять во внимание все обстоятельства и вынести справедливый – только справедливый – приговор.

Все это можно было понять сразу, и понять всего лишь из тишины.

Никогда человеческая речь не достигнет такой громадной информационной емкости – с грустью понял Найл и выбросил во мрак ожидания яркую картину солнечного дня.

Он тщательно и подробно показывал, как под ласковыми лучами распускаются и наливаются соком бутоны цветов, листва, как, наполняясь щедрой небесной энергией, обращается в жизнь и плоть мертвая земля, а потом, вместе с плотью растений, эта жизнь и энергия, это солнечное тепло переходят в тела гусениц, тлей, дроф. А потом передаются дальше – муравьям, тарантулам, жукам-скакунам. А потом – осам, сороконожкам, фалангам. И так продолжается до бесконечности, и даже над случайно погибшим насекомым скоро появляются мухи, жуки-падальщики, которые вбирают овеществленную энергию в себя, чтобы потом передать ее дальше, по бесконечной цепи жизни.

Найл рисовал картину жизни долго и терпеливо, стремясь донести до Смертоносца-Повелителя все подробности постоянного потока смертей и рождений, а затем уверенно заявил:

– Нарушения Договора не было! Просто вам совершенно случайно удалось увидеть, как жизнь и энергия, полученная пауками от одних людей, перешла к другим. Так было всегда, чему подтверждением отсутствие кладбища умерших естественной смертью пауков. Я утвер-

жду, что у убийцы не было естественного сознания, как у других жителей города, что у него было неизвестное людям оружие и обувь из панциря паука. Это значит, что до заключения Договора, при заключении Договора и после заключения Договора он жил, получая энергию из плоти пауков, и что он является естественным продолжением цепи жизни. Жители города не могут отвечать за его существование и поведение. О людях – продолжении цепи жизни – в Договоре речи не шло, а значит, их обнаружение нарушением не является.

Произнеся, а точнее продумав эту речь, правитель города с облегчением перевел дух и раскрыл сознание, готовясь услышать ответ. Но тут произошло то, чего он никак не ожидал: Смертоносец-Повелитель растерялся.

Его единое сознание рассыпалось, второй раз в жизни Найла обнажив истинную суть Смертоносца-Повелителя – десяток самок лихорадочно обменивались мыслями, пытаясь быстро найти правильное и достойное решение. Мысли их были по-паучьему емкими, и за считанные мгновения Найл успел понять: пауков вполне устраивала спокойная обстановка в городе после воцарения Посланника Богини, они не хотели вражды. Но опыт поколений требовал проведения акции устрашения в ответ на смерть каждого паука-смертоносца. Самки были готовы к попытке правителя города уйти от ответственности и собирались сурово требовать выполнения обычая и казни трехсот человек, но одновременно готовы были поощрить любую попытку свалить вину на рабов и покарать случайно выбранных заложников из этой безмозглой массы. Получилось бы достаточно пугающе, но ответной ненависти среди обычных людей не вызвало. Больше того, Смертоносец-Повелитель собирался сам подтолкнуть Посланника Богини к подобному ходу, не догадайся тот сам.

Но услышать такое... Кто-то из самок верил, а кто-то нет. Некоторые возмущались столь наглым отношением к паукам, – как к обычной еде, и жаждали казни всех и вся, а некоторые считали услышанное хорошим поводом замять дело и восстановить пошатнувшееся спокойствие. Проскакивали мысли о том, что тел мертвых пауков действительно никто не видел, что давно уже кто-то не видел того или иного знакомого, что старых пауков раз-два и обчелся и что этого просто быть не может. Оживленные переговоры продолжались до тех пор, пока наконец до самок не дошло, что здесь, в зале, стоит Посланник Богини и наверняка прекрасно слышит их перебранку. Разговор враз обрезало, и Найл вновь услышал суровый, полный скрытой силы голос Смертоносца-Повелителя:

– Я понял тебя, Посланник Богини. Я должен подумать и сообщу свое решение позднее.

Дравиг проводил правителя до крыльца и только там, когда гость уже спускался по ступенькам, решился нарушить отчужденное молчание:

– Ответь, Посланник Богини, неужели все, что ты рассказал, правда? Неужели существуют люди-убийцы, которые охотятся на пауков?

– Почему ты спрашиваешь, Дравиг? – остановился Найл.

– Пауки никогда не лгут, – с гордостью произнес смертоносец, – а люди обладают такой способностью.

– Мне очень жаль. – Правитель с грустной улыбкой подавил в себе горечь от упрека. – Мне очень жаль, но все это правда.

– Может, это всего лишь один выродок?

Найл осторожно прощупал сознание Дравига и обнаружил там удивление. Паук не испытывал ненависти, он просто изумлялся тому, что мог найтись человек, совершивший такой плохой поступок. Появилось сильное желание подтвердить намек. Найл понял, что ему поверят и зародившаяся настороженность в отношениях людей и пауков сразу исчезнет. Может, мир в городе стоит маленькой лжи? Искушение казалось довольно велико.

– Мне очень жаль, Дравиг, но... Но их много.

В сознании паука произошло небольшое изменение. Найл ощутил его готовность вступить в схватку, сражаться и убивать. И одновременно то, что компенсировало эту напряжен-

ность: у смертоносца появилось доверие к правителю. Ведь Найл сказал правду даже тогда, когда это невыгодно. Значит, ему можно верить.

– До встречи, Посланник Богини.

– До встречи, Дравиг.

Отчуждение между Посланником Богини и охранником Смертоносца-Повелителя исчезло, и впервые за последние два дня Найл почувствовал облегчение. Он немного расслабился, и тут же навалилась огромная усталость. Сколько энергии потратил он, разворачивая подробную картину мира, сколько убедительности вложил в свою речь, с каким трудом задавил в себе страх, ожидая ответа Смертоносца-Повелителя! Легче, наверное, весь дворец взвалить на спину и отнести к Белой Башне.

Найл покрутил головой. Разумеется, коляски нет и в помине. Он же пришел сюда пешком. Теперь и обратно ножками топтать придется. Появилось предательское желание спрятаться в Башню, опять расслабиться под умиротворяющей машиной, но Найл взял себя в руки и решительно двинулся в сторону своего дворца.

Солнце теперь не грело, а припекало, суша губы и обжигая тело. Пыль вздымалась клубами и мешала дышать. Вдобавок все встречные жители если и не падали на колени, то замирали в глубоком почтительном поклоне, вынуждая отвечать на приветствие. Все вместе взятое вымотало настолько, что, когда встретившая его у дверей Нефтис доложила об ожидающем в столовой Симеоне, Найл попросил:

– Не говори никому. Меня нет. Я хочу отдохнуть.

Начальница охраны молча кивнула, жестом отстранила кинувшихся к Найду служанок, лично повела покорного правителя по узким служебным коридорам, открыла одну из дверей. Найл с удивлением обнаружил, что они через черный ход попали в комнату Нефтис.

– Здесь вас никто не потревожит, – сказала девушка, споро расстилая постель.

Найл стянул через голову потную и пыльную тунику, кинул на пол, рядом поставил сандалии, с наслаждением скользнул под прохладное одеяло и закрыл глаза.

«Надо сказать... Пусть чистую тунику принесет...» – подумал он, но даже разговор, казалось, требовал слишком больших усилий.

– Отдыхайте, мой господин, – услышал Найл легкий шепот и ощутил прикосновение губ ко лбу. Потом губы коснулись глаз, губ, шеи, плеч. Молодой человек хотел прогнать девушку, оттолкнуть, сказать, что он слишком устал, но тело уже откликнулось на ласку, раскрылось, отдавая целиком себя, свою суть, свою энергию. Нефтис жадно, словно губка, поглощала эту энергию, пила захлеб, не думая ничего давать взамен. Но из ее молодого, сильного, хорошо отдохнувшего тела энергия просто лилась через край. Найл целовал ее грудь, плечи, купался в целом озере чистой, свежей энергии, впитывая ее всеми порами, вдыхая, насыщаясь... Когда тела их содрогнулись в последней судороге экстаза, он совершенно наполнился, Нефтис изнеможенно откинулась на подушке, зажмурившись, с блаженной улыбкой на губах. Она выложились вся.

Найл встал, потянулся, с удивлением посмотрел на обнаженную девушку в постели. Странно. Еще совсем недавно он умирал от усталости, а Нефтис была свежа и бодр. Что произошло? Обычный акт размножения, половая связь. Но почему теперь он чувствует себя хорошо отдохнувшим, а Нефтис лежит в истоме? Что за таинство свершилось здесь, подменив их состояния?

Значит, они менялись не сознанием, которое становится жидким, они действительно менялись энергией. Он пропитался бодрой энергией Нефтис и теперь бодр и свеж, а она наполнилась его усталостью и потому лежит без сил. Раньше он путался, поскольку получаемая энергия несет отпечаток мыслей владельца. Бодрое состояние мешало заметить не очень большую перемену внутреннего энергетического уровня, и отпечаток мыслей прежнего владельца создавал впечатление, будто из тела в тело перетекает само сознание.

Он присел на край кровати и провел ладонью по ее животу.

– Ты говорила, меня ждет Симеон?

– Сейчас я встану... Я провожу вас, мой господин, – прошептала она, не сделав ни единого движения.

– Не нужно. Спи. – Он накрыл девушку одеялом, накинул тунику и пошел переодеваться.

Симеон сидел у окна, держа на коленях вазу с несколькими гроздьями сладкого винограда. Необычайно придирчиво выбирал ягоду, срывал ее и, раскусив пополам, внимательно рассматривал сочную мякоть, потом отправлял ее в рот, долго причмокивал языком, сплевывал косточку на ладонь, брал двумя пальцами и с серьезным, сосредоточенным видом выстреливал за окно. Вытирал пальцы о тунику и начинал всю процедуру сначала. При виде винограда в правителе города проснулся лютый голод.

– Привет, – сказал Найл, взял себе самую крупную гроздь, захватил губами сразу несколько ягод, прожевал и проглотил вместе с косточками и тут же захватил еще.

– Ну, наконец-то, – с облегчением заявил Симеон, ставя вазу на подоконник. – А то уже язык щиплет.

– Чего опять случилось? – прочавкал Найл полным ртом.

– Как раз это я и хотел спросить.

– А что? – не понял Найл.

– Да что ты кружишь, как муха над навозом, – вскипел Симеон. – Ты в Башне был? У Смертоносца-Повелителя был?

– Угу.

– Ну?

– Сейчас. – Найл расправился с первой гроздью, взял из вазы другую и сел за стол. – Башня сказала, что этот человек – хищник, питающийся пауками, А еще сказала, что в городе их, должно быть, довольно много.

– Не может быть!

– Слушай меня, Симеон, и следи за мыслью, Если в городе нет кладбища для умерших людей, то это значит, что ими питаются пауки.

– Это даже чайки знают.

– А если в городе нет кладбища пауков, то... ну, давай. Думай.

– О, Богиня! – Симеон растерянно зачесал голову. – Как мне раньше в голову не пришло?

– Мы слишком привыкли к окружающему миру и считаем все вокруг естественным и нормальным. Если бы этот хищник по чистой случайности не попал в облаву, то мы по сей день ничего бы не замечали.

– Получается, они живут среди нас?

– Совершенно точно. Когда мы начинали эксперимент, к нам в руки попались сразу трое. И мы с тобой не отличили их от обычных рабов.

– Как же они попались?

– Хищник должен быть сильным и здоровым. А Шабр подбирал для эксперимента именно таких. Вот трое убийц и оказались среди избранных. Сперва они затаились, а когда поняли, что попали в клетку – устроили побег.

– Но если это правда, то мы не можем отвечать за смерть пауков!

– Если Смертоносец-Повелитель мне поверил, то да.

– Понятно. – Симеон несколько раз просеменил вокруг стола, внимательно глядя в пол, и резко остановился. – Послушай, Найл. Ведь Договор заключен между тобой, Смертоносцем-Повелителем и Хозяином жуков-бомбардиров?

– Да.

– Значит, нужно все рассказать Хозяину. Если он не сочтет Договор нарушенным, пауки не рискнут устраивать казни.

– Думаешь, их это остановит?

– Жнецы по-прежнему хранятся у жуков-бомбардиров. Смертоносцу-Повелителю придется учитывать их мнение. В любом случае стоит подстраховаться.

Симеон, забыв попрощаться, решительно вышел из комнаты. Найл тем временем доел виноград, покрутил в руках вазу и громко позвал:

– Джарита!

Через несколько минут за дверью послышался топот, и раскрасневшаяся от бега девушка влетела в комнату:

– Я здесь, мой господин!

– Мы будем сегодня обедать или нет?

– Простите, мой господин, вас ожидает принцесса Мерлью.

– Тогда пригласи ее пообедать вместе со мной.

– Слушаюсь, мой господин.

Принцесса была одета в длинное, нежно-голубое, почти прозрачное платье, медно-золотистые волосы зачесаны на правую сторону, открывая левое розоватое ушко, в котором висела изящная сережка с ярко-красным камнем. На этот раз ее сопровождал высокий широкоплечий молодой человек с густыми рыжими кудрями. Найл живо представил себе, насколько шуплым и угловатым он кажется по сравнению с этим атлетом, и сердце кольнула игла ревности.

Давным-давно, со времени первой встречи в подземном городе посреди пустыни, принцесса Мерлью, ее красота, ее голос вызывали в нем почти гипнотическое влечение. Сколько раз уже он был готов заключить ее в объятия, соединить свою судьбу с ее... И каждый раз в последний момент волей случая узнавал, что является для девушки или игрушкой, или средством достижения власти. Но принцесса была умна и целеустремленна. Ее красота и обаяние неизменно преодолевали обиды и презрение, и Найл опять балансировал на грани между вежливостью и страстью.

Если до того, как Найл стал Посланником Богини, она пыталась его приворожить по указанию Смертоносца-Повелителя, то теперь явно старалась для себя. Полгода назад дело дошло до того, что городской Совет на своем заседании пытался принять постановление-просьбу о необходимости женитьбы правителя. В тот раз тонкую и изящную интригу принцессы разрушила гибель Скорбо.

Но прекрасная Мерлью продолжала осаду. Сама она утверждала, что не стремится стать женой правителя. Она хочет стать помощницей. Принцесса была безусловно умна и достойна высокого звания. Однако если Найл использовал власть, чтобы научить людей свободе, то принцессе Мерлью хотелось звания правительницы, чтобы получить власть над людьми.

Найл понимал это разумом, но дыхание его все равно перехватывало, когда она якобы случайно касалась высокой грудью его плеча или роняла прядь душистых волос ему на лицо. Принцесса Мерлью продолжала толково и бескорыстно помогать правителю во всех начинаниях, никак не выказывая нетерпения, словно паук-теневики, раскинувший сеть перед гнездом фруктовой мухи. Никогда принцесса не упускала возможности оказаться с Найлом наедине. И каждый раз молодой человек стискивал челюсти, чтобы из губ не вырвалось жгучее «Да!».

Войдя в столовую, принцесса Мерлью неторопливо прошла к окну и повернулась к Найлу. Солнечные лучи прошли тонкую ткань насквозь. Показалось, девушка стоит совершенно обнаженная, лишь окружена легким голубоватым облаком. Она склонила голову, приветствуя правителя, непринужденным жестом указала на спутника:

– Разреши представить тебе моего помощника, Посланник Богини. Его имя – Манро.

– Рад познакомиться. Прошу к столу.

Манро метнулся вперед и отодвинул стул. Принцесса поблагодарила резким кивком, и серьга заиграла алыми искрами.

– Ты знаешь, Найл, – перешла она на менее официальный тон, – мне пришлось приостановить указ о чеканке денег.

– Как это? – поразился правитель города. Изобретение медных монет он считал своим наилучшим нововведением. – Ведь они прекрасно прижились.

– Да, – кивнула принцесса, благосклонно наблюдая, как Манро накладывает ей в тарелку рагу из кролика. – Поначалу они вызвали настоящий ажиотаж. Но ведь ты приказал оплачивать ими все общественные работы.

– А как же иначе? – буркнул Найл набитым ртом.

– К сожалению, монеты чеканили намного быстрее, чем слуги жуков изготавливали свои фонарики, игрушки и часики. На руках у рабов и слуг оказалось слишком много денег. Мастерские довольно быстро поняли свою выгоду и взвинтили цены.

– Постой. – Найл предостерегающе поднял руку, дожевывая кусок крольчатины, проглотил и продолжил: – В старых книгах написано, что за общественные работы всегда платили.

– Да, но там же написано, что с жителей собирали налоги. Общественные работы оплачивались не из новоизготовленных денег, а из тех, которые платили в виде налогов.

Найл захотел было предложить ввести налоги, но рот его опять оказался занят. Только тут он обратил внимание на то, как красиво ест принцесса Мерлью. Своими точеными пальцами с длинными розовыми ногтями она держала вилку и нож. Прижав мясо вилкой, отрезала маленький кусочек и отправляла в рот. Она вполне успевала разжевать эту порцию и проглотить в промежутке между фразами, отчего речь казалась размеренной и спокойной. Найл представил себя со стороны, и ему сделалось стыдно.

– Далее, – продолжала принцесса. – Из-за скачков цен крестьяне отказались брать монеты и стали менять продукты прямо на вещи, мастера тоже начали отказываться от денег, и вся наша система полетела в таргарары. Даже рабы попытались отказаться работать, но пауки быстро привели их в чувство.

– Опять пауки! – проворчал Найл. – Вот уже почти год, как мы получили свободу, а наша жизнь по-прежнему зависит от пауков.

– Не надо так нервничать. – Мерлью накрыла его ладонь своею. – Все будет в порядке. Теперь, когда новых монет больше не будет, они снова поднимутся в цене. Из них многие женщины делают себе монисто, серьги. Монеты не портятся, не изнашиваются, их удобно хранить. Очень скоро их будут брать куда охотнее, чем щипцы или морковь.

Она отняла свою ладонь, но, сделав глоток вина, вернула обратно. Найл не шелохнулся, замороженный ее нежным прикосновением, мелодичной речью, ее красотой.

– Нужно ввести налоги, – сказал он, больше для поддержания разговора, нежели в качестве указания.

– Здесь тоже есть трудности. Как объяснить ремесленнику, что он должен платить за то, что всегда делалось даром? А силой отнимать еще хуже.

После этих слов принцесса умолкла, потупив взор, убрала руку и принялась сосредоточенно кушать. Однако Найл слишком хорошо знал эту красоту, чтобы не понять: у нее есть решение, она просто набивает себе цену.

– Да, сложно, сложно, – очень тяжело вздохнул он, покачивая головой.

– Видно, ничего тут не поделать.

– Найл, дорогой, – с готовностью вскинулась Мерлью, – не надо опускать руки. Я предлагаю выводить всех ремесленников на общественные работы наравне с «неголосующими гражданами». А если кто не захочет, пусть нанимает вместо себя другого или просто платит в казну городского Совета. Вот и появятся у нас деньги, которые не отчеканены в мастерской. Кроме того, нужно ввести указ о трехлетнем патрулировании границы пустыни для обеспечения безопасности.

– Это еще что за бред?

– Полный бред, дорогой правитель, но от него тоже придется откупаться. Ведь тебе понадобятся деньги для содержания дворца и прислуги?

Принцесса встала, зашла за спинку стула правителя.

– Подожди немного, Найл. Скоро за деньгами будут гоняться, их станут добывать всеми правдами и неправдами. – Она склонилась над правителем, и мягкие, пахнущие можжевельником волосы защекотали лицо. – Все будет, как ты хочешь, Найл. Ты просто не успеваешь за всем уследить... Тебе нужна помощница.

Аромат духов, вкрадчивый шепот, источаемая девушкой магия влечения вскружили молодому человеку голову, он уже порывался было прижать Мерлью к себе, покрыть ее лицо, ее тело страстными поцелуями, но огромным усилием воли удержался на самом краю и только сказал:

– Ты очень умна... принцесса Мерлью.

Девушка выпрямилась, отошла к окну, вскинула вверх руки и потянулась, вновь догола раздетая солнечными лучами.

– Простите меня, Посланник Богини, но мне пришлось отправить в квартал рабов повара, которому вы разрешили открыть таверну у моста.

– Почему?!

– Он кормил посетителей за плату.

– Я знаю.

– А совсем рядом, в своем квартале, «неголосующие граждане» получали положенную пищу даром. И вот каким-то таинственным путем эта дармовая пища стала оказываться в платной таверне... Странно, правда? Пришлось прикрыть лавочку. А чтобы повар не сбежал, я сказала тамошним паукам, что он болен.

– Но ведь его... – вскинулся Найл. После эпидемии, по негласному уговору, пауки имели право тихо и незаметно съесть больных людей во избежание новой заразы.

– Ага, – подтвердила Мерлью. – Зато теперь рабы сыты и довольны, и желающих наложить руку на их еду пока не находится.

Найлу в душу заполз легкий холодок. Он представил себе, что будет, если эта умная, невероятно красивая, но еще более жестокая женщина получит власть.

– Да, кстати, – она опустила руки и стала поправлять волосы, как бы невзначай поворачиваясь к правителю то одним, то другим боком, – многие «неголосующие граждане» весьма тупы и не могут понять сам смысл денег. Им трудно будет выжить в новом мире. Одно из двух: или они сами должны стать товаром, и тогда их станет кормить хозяин...

– В свободном мире нет места рабству! – коротко и ясно отрезал Найл.

– ...или они просто должны умереть, – своим вкрадчивым голосом спокойно закончила принцесса.

Найл молчал, обдумывая ее слова. Если сделать все платным и при этом кормить рабов даром, то самые ушлые и бесчестные люди начнут их обворовывать, как это уже случилось с поваром. А давать рабам деньги бессмысленно, если они не умеют ими пользоваться.

Принцесса Мерлью плавно приблизилась к правителю настолько, что сквозь тунику он ощутил прикосновение к груди ее твердых сосков, а воздух вокруг наполнился терпким можжевеловым ароматом.

– Поручите это мне, мой господин, – обожгла она горячим дыханием, – я сделаю все как нужно.

В этот миг Найл уже забыл, как мгновение назад пугался прихода этой женщины к власти, мысли сбились в полный сумбур, а молодое тело буквально кричало: «Да, да, тебе нужна помощница! Именно такая! Статная, страстная, желанная!» Руки его уже поднялись, чтобы обнять ее, прижать к себе, как вдруг хлопнула дверь.

– К вам пришел Дравиг, мой господин.

– Да, иду. – Найл стряхнул с себя магию принцессы, шарахнулся назад, повернулся и выбежал из комнаты. Мерлью едва слышно, но с большим чувством выругалась вслед.

Дравиг не стал опускаться перед правителем в ритуальном приветствии, ум его лишь легко коснулся сознания Найла, словно мимолетное человеческое «Привет!».

– Пройдем ко мне в комнату, – предложил правитель.

– Благодарю, нет. Я ненадолго. Смертоносец-Повелитель просил тебя, Посланник Богини, описать убийц, которые, как ты считаешь, живут в нашем городе.

– Они высоки, широки в плечах, сильны. Красивы телом, но сознание их совершенно пусто.

– Благодарю. Посланник Богини. – Дравиг ловко развернулся на ажурных паучьих лапах и вышел из зала, оставив правителя в легком недоумении.

Что затеял Смертоносец-Повелитель? Зачем он спрашивал о внешности людей-хищников? Найл неторопливо вернулся в столовую, но теперь, занятый мыслями, слушал принцессу вполуха.

– Мне довелось носить высокое звание, Посланник Богини, – говорила она, – я принцесса. Мне нужно думать не только о себе, своих чувствах и желаниях, но и о том, кому останется мой титул. Вы согласны, Посланник Богини?

Найл кивал, но мысленно был не здесь, а во дворце Смертоносца-Повелителя. Что тот затеял? Смирились пауки с существованием хищников или нет? Скорее всего, нет. За века существования они привыкли стократно мстить за смерть своих собратьев. Но кому мстить? Если на протяжении все тех же веков хищников не могли обнаружить, то их тем более не удастся поймать сейчас. После гибели одного из своих хищники должны быть настороже. Что же тогда затевает Смертоносец-Повелитель?

– И вот я решилась. Я прошу вашего разрешения, Посланник Богини, вступить в брак со своим помощником, свободным гражданином Манро, – она указала на своего спутника. Парень неуклюже встал.

Найл оглядел атлетическую фигуру, и тут до него дошло: вот оно! Пауки хотят мести! Они просто соберут мужчин, похожих по описанию на хищников – таких вот, как Манро, – и устроят ту самую показательную бойню, которой совсем уж было удалось избежать! Правителя обдало ужасом. Да еще Мерлью пристает со своим дурацким браком.

– Да делайте вы что хотите! – сорвался он. – Только оставьте меня в покое!

Принцесса покрылась красными пятнами и выбежала из комнаты. Манро неловко поклонился и тоже вышел. В комнату немедленно проскользнула Джарита.

– Вы их прогнали, мой господин? Правильно. У нас давно болтают, что принцесса хочет обручение изобразить. Чтобы ревность у вас вызвать...

– Симеон не вернулся? – перебил ее Найл.

– Нет, мой господин.

– Плохо. Мне нужно знать ответ Хозяина, Очень нужно.

Найл подошел к окну, туда, где недавно столь соблазнительно красовалась Мерлью, закрыл глаза и попытался избавиться от толпящихся в голове мыслей, отрешиться, стать посторонним для них, вытолкнуть прочь. Первой удалось избавиться от самой крупной и тяжелой – от опасности со стороны пауков. Она покинула мысли с огромным трудом, сопротивлялась, цеплялась за края сознания, словно живое существо. Потом осталась горечь. Горечь, какую он, оказывается, испытывал оттого, что принцесса Мерлью уже никогда не будет рядом с ним. Она выходит замуж. Найл не выталкивал эту мысль. Он смирился с нею. И горечь постепенно истаяла. Потом стала заметна простая естественная надобность: ему хотелось справить малую нужду. Это как раз проще всего – Найл сходил в туалет, вернулся обратно и вновь отрешился от происходящего вокруг.

Оставались совсем простые, незаметные в повседневной суете мысли. Он уже очень давно не видел брата, не видел матери. Найл взглянул на эти мысли со стороны, не ассоциируя их с собой, а просто наблюдая, словно за одинокими путниками в собственном сознании. И мысли удалились. Сознание осталось чистым и свободным. Правитель открыл глаза, одновременно открывая свою бескрайнюю суть, впуская в нее вибрации ауры огромного города, расширился, впитав всю ауру в себя, накрыв своей безграничной сущностью, и мгновенно понял, что с этим гигантским организмом, доверенным ему Богиней Дельты, все в порядке. Город даже не подзревает о нависшей опасности. Найл коснулся всех вибраций, всех нитей, составлявших существо города, заглянул в каждый уголок, но ничего не предвещало беды. Организм жил своей жизнью, бодрый и здоровый... Удивительно приятное ощущение – быть бодрым и здоровым.

Правитель не заметил, как стемнело. Он очнулся от робкого кашля Джариты:

– Вы не желаете поужинать, мой господин?

– Нет, спасибо.

– Вам нужно отдохнуть, мой господин. Вы выглядите усталым.

– Да нет, все в порядке, Джарита. – Усталым Найл себя не чувствовал.

– Все хорошо.

Он положил левую руку девушке на плечо, приблизил ее к себе. Другой рукой погладил длинные густые волосы. Левая рука сама собою опустилась на упругую девичью грудь. Служанка застенчиво улыбнулась, покорно скинула одежду и отошла к дивану у стены.

Найл колебался совсем недолго – зов тела оказался слишком сильным. Он разделся, лег на девушку и резко вошел в нее, на этот раз вполне сознательно следя за происходящим обменом энергии.

В отличие от Нефтис, Джарита не брала, она отдавалась, отдавалась телом, душой, энергией, и только крепкие объятия не вязались с внешней покорностью. Он осязательно, словно вино, пил ртом ее умиротворяющую робость, самопожертвенность, взамен отдавая через пенис свою энергию до тех пор, пока в последней, сладостной судороге вместе с энергией в нее не вошло его семя. И тут же, наполненный покойной энергией Джариты, он провалился в сон.

Через несколько минут Найл проснулся. Девушки рядом не было. Он поднялся, дошел до своей комнаты и забрался в постель.

Вскоре, сквозь полудрему, Найл почувствовал рядом тепло девушки. Он притянул Джариту к себе, стал целовать ее шею, губы, глаза, но вместо тихой и спокойной энергии ощутил в ней свою собственную взбалмошную суть. И тогда он окончательно заснул.

Разбудил Посланника Богини всклокоченный, запыхавшийся Симеон:

– Найл, вставай! Пауки город оцепили!

– Как? Почему? – ничего не понял спросонок правитель, сел в постели и затряс головой.

Джарита испуганно спряталась под одеялом.

– Цепью стоят вокруг города, дороги паутиной перетянули.

– Почему?

– Это еще не все. Начиная с квартала рабов, они прочесывают город.

– Подожди. – Найл встал, надел тунику, натянул башмаки. – Ты только пришел?

– Да!

– У Хозяина был вчера?

– Был. Он сказал, что если люди-убийцы не упомянуты в Договоре, значит, защита на них не распространяется. А как отличить убийц от нормальных жителей, мы должны решать со Смертоносцем-Повелителем.

– А пауки оцепили город?

– И прочесывают. Все, я на остров детей убегаю. Не дай Богиня что случится.

Оставшись один, правитель несколько секунд осознавал услышанное, потом громко позвал:

– Нефтис!

Начальница охраны распахнула дверь, прямо на пороге опустилась на колени:

– Простите мой господин! Стражница будет сурово наказана.

– За что?

– Пропустила постороннего к вам в спальню без доклада.

– А-а, – махнул рукой правитель. – Не до того. Немедленно приготовь коляску.

– Слушаюсь, мой господин.

Найл отобрал у незнакомой полуодетой служанки кувшин с водой, вылил ее себе на голову, пригладил волосы, заскочил в спальню, сделал пару больших глотков из кувшина с вином и сбежал с крыльца.

Коляска уже ждала. Гужевые мужики хлопали заспанными глазами, переминались с ноги на ногу и недовольно бурчали. Правитель запрыгнул на покрытое мелкой росой сиденье и приказал:

– В квартал рабов, быстро.

Мужики побежали по дороге, а позади, громко шлепая сандалиями, преданно затрусил Нефтис. Найл захотел было отослать ее обратно, но затем передумал, остановил коляску и приказал девушке сесть рядом.

– Что-нибудь случилось, мой господин? – спросила она.

– Пока не знаю, Нефтис. Посмотрим.

Тем временем гужевые, потев от натуги, затащили коляску на холм. Стало видно, как от заводи, раскинувшейся в квартале рабов, медленно движется цепочка серых точек, пересекающая весь город. Пауки никуда не торопились. Они останавливались у каждого дома, ждали, пока несколько вошедших внутрь смертоносцев выберутся из окон с противоположной стороны, продвигались еще на несколько шагов, снова останавливались, терпеливо и тщательно выполняя свое задание. Найл готов был отдать полжизни, лишь бы узнать какое.

Вскоре коляска приблизилась к цепи. Сразу четыре смертоносца кинулись навстречу, и внезапно правитель почувствовал, как его сознание грубо и неумело прощупывается пауками. Такого не случалось уже очень давно, и Найл разгневался. Говорить вслух ничего не пришлось – пауки немедленно рухнули в пыль в ритуальном приветствии.

– Просим простить, Посланник Богини, но мы выполняем приказ Смертоносца-Повелителя.

– Я не сержусь, продолжайте исполнять поручение, – прекратил излишние еще молодых и неопытных смертоносцев правитель.

Пауки поднялись на своих ажурных лапах, прощупали умы гужевых мужиков, продвинулись на несколько шагов и вновь замкнули цепь уже за коляской. Найл припомнил, как год назад он прятался от Смертоносца-Повелителя. Устрой пауки тогда такую же облаву, и будущий Посланник Богини наверняка бы попался. То ли не считали они его таким опасным, то ли действительно не собирались ловить всерьез? Теперь уже не узнать.

– На остров детей! – приказал правитель.

Симеон встретил их на берегу. Найл слегка коснулся ума медика и понял, что тот испытывает облегчение.

– Ну как, были смертоносцы на острове?

– Были, – махнул рукой Симеон. – Побегали по этажам, никого и ничего не тронули и ушли.

– У меня нехорошее предчувствие, – вышел правитель из коляски. – Они явно рассчитывают выловить людей-хищников. Но если те до сих пор не попадались им в сети, то их наверняка так просто не возьмешь. А Смертоносец-Повелитель, оставшись с пустыми лапами, обвинит меня во лжи.

– Тебе не стоит ждать, пока Смертоносец-Повелитель вызовет тебя к себе. Лучше пойти первому и потребовать объяснения. Пауки не должны думать, будто ты прячешься.

– Наверное... – согласился Найл, наблюдая, как на дальнем берегу по самой кромке воды медленно движется крупный паук. – Только такими темпами они весь город от силы к вечеру успеют прочесать. Я еще вполне успею пообедать и отдохнуть перед визитом. Ты останешься здесь или поедешь со мной?

– Во дворец Смертоносца-Повелителя? – нервно рассмеялся Симеон. – Нет уж, как-нибудь в другой раз.

– Ну, как хочешь, – улыбнулся Найл и запрыгнул в коляску.

Во дворец Смертоносца-Повелителя Найл отправился ближе к вечеру, когда серая паучья цепь уже заканчивала свою работу. На крыльце не было ни женской стражи, ни Дравига, и дорогу «освещал» какой-то молодой неопытный паук, из-за чего Найл пару раз налетел на стены. Паук, столь явно опозорившись, под конец пути совсем смешался, и в главный зал правитель добирался на ощупь.

Зал оказался совершенно пуст. Похоже, все, кто мог передвигаться, участвовали в облаве. Найл немного подождал, соблюдая собственное достоинство, а затем излучил в сумрак зала вежливое недоумение. После довольно долгой паузы прозвучал столь же вежливый ответ:

– Посланник Богини не мог ошибиться, рассказывая о людях-убийцах?

– Нет, – твердо и уверено заявил Найл.

– Но нам не удалось найти ни одного.

– Вы мне не верите? – выразил возмущение правитель.

Опять повисла долгая пауза, после которой Смертоносец-Повелитель осторожно сообщил:

– Посланник Богини не лгал. Но он мог ошибиться.

– Я видел людей-хищников не один. Их видел еще и Шабр.

– Он полностью подтверждает твои слова, Посланник Богини, – согласился Смертоносец-Повелитель. – Но нам не удалось поймать ни одного хищника...

Найл почувствовал, что в отношениях людей и пауков разрастается холодок. Но в данных обстоятельствах ему оставалось только откланяться.

Через два дня пауки повторили облаву. Правитель города подозревал, что она опять безуспешна, но на этот раз во дворец Смертоносца-Повелителя не поехал. Найл решил сохранять уверенное спокойствие.

Тем не менее в голову постоянно лезли тревожные мысли, и если бы правитель не имел возможности пару раз в день пропитываться умиротворяющей энергией Джариты, то наверняка бы сорвался и наделал глупостей.

Открытие обмена энергией между мужчиной и женщиной заставило Найла по-новому взглянуть на отношения между полами, на истинную суть любви. Скорее всего, женщины ищут партнеров, энергетическое поле которых имеет составляющие, недостающие в их поле. Тогда при половом контакте энергия партнеров дополняет друг друга. Поскольку сознание большинства людей не фиксирует энергетического поля, то подобное инстинктивное влечение они называют «любовью». Когда поля полностью дополняют друг друга, любовь взаимная, а если поле кого-то из партнеров не удовлетворяет другого – любовь неразделенная.

Пожалуй, Найл был первым человеком за всю историю, который стал использовать обмен энергиями сознательно, избавляясь от нервозности, получая спокойствие вместе с энергией Джариты.

Наутро после облавы Найл поднялся пораньше, плотно позавтракал и вышел в приемный зал, ожидая визита представителя пауков и готовясь к трудному разговору. Однако первой явилась принцесса Мерлью.

На этот раз она была одета в очень коротенькое красное платье, стянутое широким поясом, сплетенным из золотых нитей, волосы плавными волнами ниспадали на плечи, а лоб украшала легкая ажурная диадема. Принцесса, как всегда, казалась ослепительно красивой. У Найла аж под ложечкой засосало от ощущения невосполнимой потери. Мерлью приблизилась к правителю мягкими неслышными шагами и склонилась в глубоком поклоне:

– Приветствую тебя, Посланник Богини!

– Рад тебя видеть, принцесса Мерлью. – Найл попытался убедить себя, что ноги Нефтис красивее стройных ножек принцессы, но безуспешно. – А где твой помощник Манро?

– Манро? – В глазах девушки коротко блеснул алчный огонек, и она потупила взор. – Почему он интересуется тобой, Посланник Богини?

Реакция принцессы на вопрос не осталась незамеченной, и на несколько минут Найл избавился от магического влияния дочери Коззак. Он даже смог перейти на веселый тон:

– Но ведь ты, кажется, вышла за него замуж?

– Ах, Найл, – небрежно отмахнулась девушка, – после общения с тобой я поняла, насколько глуп этот мальчишка, и прогнала его. Он мне не пара.

– Прости, Богини ради, я не хотел разрушить твоё семейное счастье.

– Это отнюдь не самое важное из происходящего, Найл. Мне необходимо знать, что творится вокруг. Пауки внезапно принялись прочесывать город, дважды за последние дни переворачивали мой дом вверх ногами, вскрыли помещение городской казны, едва не сожрали беднягу Манро.

– Ты же сказала, что прогнала его? – Правитель ощутил укол ревности.

– Сейчас речь не об этом щенке-переростке, а о порядке в городе. Я не могу обеспечить выполнение намеченных работ, когда квартал рабов отрезают от торговых улиц на полдня, когда в город не пропускают повозки с продуктами, а деньгохранилище бросают открытым нараспашку! Мою коляску останавливали вчера шесть раз и не выпустили из города! Что происходит, Найл?

– Про какие работы ты говоришь, Мерлью?

– А кто полтора месяца назад издал указ о создании библиотеки? – с нескрываемым сарказмом поинтересовалась гостья. – Ты издал указ, совет утвердил, а исполнять-то кто будет?

– Так этим занимаешься ты? – удивился Найл и осторожно прощупал сознание девушки. Оказывается, воспользовавшись решением Посланника Богини, принцесса Мерлью уже собрала в своем доме почти все книги, уцелевшие за годы владычества пауков. Она активно училась, пользуясь полученным богатством, причем, надо отдать ей должное, действительно восстанавливала большое здание на берегу реки для размещения библиотеки.

– Кстати, – брезгливо поморщилась принцесса, ощутив прощупывание, – если уж делать для жителей библиотеку, то надо позаботиться и том, чтобы жители умели читать. Пусть слуги жуков мозгами раскинут, они там все грамотные.

Найлу стало стыдно. Раньше он и не задумывался о том, каким образом выполняются его указания. Просто отдавал приказ в совет города, и все. Оказывается, деньги по его распоряжению печатала Мерлью, библиотеку строила Мерлью, снабжала продуктами дворец Мерлью. Неудивительно, что, даже потеряв покровительство Смертоносца-Повелителя, она смогла сохранить титул принцессы.

– А распоряжения Совета тоже ты выполняешь? – любопытствовал Найл.

– Если умные, то выполняю, – с предельной откровенностью сообщила дочь Коззак.

– А если нет?

– Тогда никто не выполняет. – Она искренне рассмеялась.

Девушка, даром что не обладала телепатическими способностями, сразу почувствовала перемену в отношении к себе, шагнула к Найлу, непринужденно растрепала ему волосы.

– Так ты объяснишь, что происходит?

В этот миг Мерлью казалась такой близкой, родной, естественной, что стало даже непонятно, как же он живет без нее. Поддавшись порыву, Найл обнял девушку за плечи, и она с готовностью ткнулась носом в ямочку между ключицами. Диадема не больно царапнула щеку, волосы обдали ароматом можжевельника.

– Дней десять назад один человек убил трех смертоносцев. – Найл ощутил, каким диссонансом происходящему прозвучали его слова, и невольно разжал объятия.

– Три смертоносца убиты? – Принцесса Мерлью враз обрела серьезность.

– И они до сих пор не устроили резню?

– Все не так просто... – Найл подумал и рассказал всю историю, начиная с затеи по выводу расы полноценных людей. Мерлью слушала, иногда начиная нервно наматывать на палец прядь волос, но тут же, спохватываясь, прятала руку за спину.

Она продолжала бегать еще минут десять после того, как Найл умолк, потом остановилась перед ним и сказала:

– Боюсь, выводить полноценных людей уже некогда. Они нужны нам сейчас.

– Что ты имеешь в виду?

– Если мы не хотим платить жизнями ста жителей за каждого съеденного хищниками паука, то мы должны или объединиться с хищниками против смертоносцев, либо со смертоносцами против хищников. А пауки пока стремления к союзу не выказывают.

– Хищники тоже.

Парадная дверь распахнулась. Положив ладонь на рукоять ножа, в зал вошла Нефтис и громко доложила:

– К вам Дравиг, мой господин.

Принцесса Мерлью быстро шагнула вперед и в сторону и развернулась. В этот миг, пусть ненадолго, сбылась ее мечта – она стояла рядом с Посланником Богини, его королева и помощница. Принцесса вскинула голову и приветливо улыбнулась начальнику охраны Смертоносца-Повелителя.

– Приветствую тебя, Посланник Богини, – поздоровался паук, не сделав, однако, ритуального жеста приветствия.

– Рад видеть тебя, Дравиг, – ответил правитель.

– Мы провели вчера еще одну облаву. Посланник Богини. И не поймали никого, сходного по описанию с людьми-убийцами.

– Ты не веришь мне, Дравиг?

– Я пришел сюда, Посланник Богини, именно потому, что верю. Ты не мог ошибиться?

– Нет.

– Тогда ответь, Посланник Богини, как бы ты поступил на моем месте?

Найл задумался. Вместе с Дравигом он вылавливал лазучиков Мага, искал убийц Скорбо, участвовал в схватке с пауком-быком. Их с Дравигом связывали самые тесные отношения, какие только могут возникнуть между пауком и человеком. Начальник охраны Смертоносца-Повелителя действительно мог обратиться за советом. Но, с другой стороны, его мог послать Смертоносец-Повелитель, чтобы дать правителю людей последний шанс найти доказательство своей правоты до официального разговора. Здесь никак нельзя было ошибиться.

– Нужно расставить пауков в городе по одному, – внезапно подала голос принцесса Мерлью. – Расставить так, чтобы они не видели друг друга, но находились в мысленном контакте. Хищники перемещаются по городу и наверняка попадутся кому-либо на глаза.

– Хорошо, – согласился Дравиг, – сегодня сделаю.

– Ты думаешь, – спросил Найл, провожая смертоносца взглядом, – это поможет?

– Наверняка. Если уже десять дней идет облава, то хищники должны озвереть от голода. Они не упустят случая напасть на одинокого паука. Если смертоносцы будут в мысленном контакте, то наверняка заметят исчезновение одного из своих и отловят убийцу.

- Ты хочешь сказать, – похолодел Найл, – что сегодня убьют еще одного паука?
 - Или завтра, – поправила принцесса.
 - И ты вот так, спокойно, отправила на смерть живое, разумное существо?
 - Что ты так разнервничалась, это всего лишь паук.
 - Это живое существо, которое живет рядом с нами, помогает, если нужно, которое тоже хочет жить!
 - Ерунда. Одним больше, одним меньше. Зато появится реальный шанс избежать показательных казней.
 - «Одним больше, одним меньше!» – вскипел Найл. – Год назад, когда Смертоносец-Повелитель сделал тебя принцессой, ты рассуждала иначе.
 - Год назад мне приходилось выбирать между званием принцессы и должностью устройства для рожания новых слуг. А пауки искали человека для руководства другими людьми. В любви мы друг другу не объяснялись.
 - «Смертоносцы разумны и хотят людям только добра» – так ты, кажется, говорила?
 - Найл, – примирительно предложила принцесса, – если тебе трудно принимать такие решения, давай я разберусь с этим делом.
 - «Я, я!» Ты, похоже, считаешь себя самой умной и незаменимой?
 - Мудрость правителя, Найл, состоит не в том, чтобы быть самым умным, а в том, чтобы ставить умных людей на соответствующие должности.
 - Так вот, принцесса Мерлью. Эта должность не для тебя. Ты готова не моргнув глазом залить все вокруг кровью.
 - Между прочим, – напомнила принцесса, – эти милые смертоносцы сожрали половину людей из моего города.
 - Тогда они были врагами, а сейчас друзья.
 - Эти друзья готовы растерзать триста ни в чем не повинных людей за трех своих восьмипалых уродов!
 - Они никого не хотят жрать! Они ищут убийц! А ты этим убийцам еще и помогаешь! Ты сама – хищница!
 - Знаешь, Найл, а Манро, похоже, куда умнее, чем я думала позавчера.
 - Вот и выходи замуж за своего Манро!
 - Благодарю за разрешение, Посланник Богини, и приглашаю тебя завтра на свадьбу! – И принцесса, уходя, громко хлопнула дверью.
- Найл сжал кулаки. Попадись сейчас что под руку – швырнул бы вслед этой злобной, кровожадной девке, да так, чтобы аж дверь раскололась.
- Вы меня звали, мой господин? – В зал заглянула Нефтис.
 - Да. Нет. – Он сразу понял, что если в таком состоянии напьется упругой энергии Неф-тис, то просто взорвется, как одна из ракет Доггинза. А мягкую и покорную Джариту сам разорвет в куски. – Нет. Я никого не хочу видеть. Мне нужно подумать. Все. Иди.

* * *

Самым удивительным при слиянии сознания с аурой города является то, что, независимо от состояния этого гигантского организма, независимо от времени года или времени суток, из контакта Найл всегда выходил посвежевшим и отдохнувшим. Вот и сейчас, глядя, как поднимается солнце над крышами домов, он чувствовал себя так, словно провел ночь в постели, а не стоя у окна. Он больше не испытывал ни страха, ни волнения, а от ссоры с принцессой Мерлью осталось лишь легкое сожаление.

Ведь у нее на глазах смертоносцы после захвата подземного города пожирали ее друзей, родственников, просто знакомых. Ее смертоносцы поставили перед жестоким выбором: стать

одной из постоянно рожаящих женщин с хорошим генотипом на острове детей или соблазнить юношу, годного, по мнению пауков, на должность руководителя людской части населения. Потом, когда нужда отпала, ее просто выбросили за ненадобностью. Но она не сломалась, она взяла на себя выполнение решений Совета и правителя, доказывая постоянным трудом свое право на звание принцессы.

За ее спиной не было, как за Найлом, бесконечной мощи Великой Богини Дельты, ей никто не был обязан подчиняться. А ведь ничто не делает человека таким великодушным и добрым, как ощущение собственной силы, и ничто не делает таким злым и жестоким, как ощущение слабости. Найл простил смертоносцев за смерть отца, когда увидел их склоненные покорные спины. Перед принцессой не склонялся никто.

Но именно она создает величайший памятник свободе – библиотеку. На протяжении веков за чтение книги человек карался смертью. Библиотека, доступная всем, – открытый путь к любым знаниям – станет величайшим достижением свободного человека.

Найл неторопливо вышел из комнаты, прижал палец к губам, запрещая шуметь замершей в приветствии стражнице, спустился на улицу и направился в сторону реки.

На всех перекрестках, посередине длинных улиц, на широких площадях стояли суровые, неподвижные, мокрые от росы смертоносцы, бесцеремонно прощупывая умы прохожих, время от времени проносились группами пауки-волки. Однако людей никто не трогал, и никакого напряжения в отношении правитель не замечал.

Будущей библиотекой оказалось трехэтажное здание недалеко от высокого обрывистого речного берега. Когда-нибудь, сидя за интересными и полезными книгами, читатели смогут любоваться из окон красивым пейзажем, а сейчас здесь высился лишь пластиковый каркас с сохранившейся кое-где кирпичной кладкой.

Внизу бегали рабы, заноса внутрь куски битого кирпича, камней, закатывая тележки с разведенной белой глиной. Они не обратили на Посланника Богини ни малейшего внимания, но обе надсмотрщицы, сунув плети за пояс, опустили на колени.

– Часто приходится пользоваться кнутом? – нахмурился Найл.

– Это признак нашей должности, – не очень понятно ответила одна.

Найл не стал разбираться подробнее. Он погладил ладонью толстый розоватый пластик, простоявший века, но не имеющий ни малейшего изъяна, поднялся на второй этаж. Там двое мужчин в серых от пыли туниках натягивали веревки, намечая будущие стены. Увидев правителя, они немедленно бросили работу и склонились в поклоне.

– Кто вы? – спросил Найл.

– Строитель Берг.

– Строитель Лисе.

Отвечая, они не разогнули спины, что выдавало в них бывших слуг пауков.

– Можете выпрямиться, – разрешил Найл. – И расскажите, что вы тут делаете.

– Размечаем читальный зал, – зачастил строитель Лисе, толстый и невероятно лопухий, зачем-то постоянно и суетливо вытирающий руки о тунику. – Здесь будет длинный коридор во весь этаж. Читальный зал с этой стороны, а книгохранилище в другом конце здания. Разделяться они будут одной стеной. Здесь намечена библиотека развлекательных книг, а на третьем этаже – научных. Там, за хранилищем, будет выделено пять комнат для переписывания самых ценных манускриптов.

Слово «манускрипт» в устах слуги пауков резануло слух, и Найл внезапно спросил:

– Ты умеешь читать?

– Нет, нет, что вы, правитель! – испуганно вскрикнул Лисе и сложился в поклоне.

Подул легкий ветерок, принеся с реки освежающую прохладу.

«Здесь действительно хорошо, – подумал Найл. – Размер книгохранилища делается с запасом. И на счет переписывания „манускриптов“ правильно предусмотрено», – а вслух сказал:

– Нужно выделить два-три помещения для классов обучения грамоте.

– Слушаюсь, правитель, – не разогнулся Лисе.

– И где они будут? – решил уточнить Найл.

– Ну... Вот... – замялся строитель и уже более внятно закончил: – Мы спросим у принцессы Мерлью. Она укажет место.

– Хорошо, – согласился Найл. Он поднялся на третий этаж, обошел здание по периметру. Ему здесь откровенно нравилось. Нравился красивый вид, нравился свежий воздух с реки, нравилось величие здания, которое должно стать памятником свободе. Он даже решил выразить свою благодарность принцессе, которая так хорошо все устроила.

Только не сегодня. Сегодня она выходит замуж. Не стоит отвлекать.

Он быстро сбежал вниз по лестнице и отправился обратно во дворец... Первым человеком, которого он увидел на крыльце, была принцесса Мерлью.

– Как, разве ты не выходишь замуж? – невольно спросил он.

– У тебя только одно на уме, – вздохнула Мерлью. – Так хочешь от меня избавиться?

– Просто я хочу извиниться. Вчера я погорячился.

– Да? – приподняла брови девушка.. – Тогда больше не называй меня умной.

– Почему?

– Как гласит древняя поговорка, после ссоры первый шаг к примирению делает более мудрый. Раз ты успел извиниться первым, значит, ты умнее.

Она тепло рассмеялась и протянула ему руки. Он улыбнулся и сжал ее пальцы в своих ладонях.

– А теперь, Найл, когда мы разобрались в наших отношениях, расскажи, что случилось?

– Где?

– Ты откуда идешь?

– Был в библиотеке. Ты просто молодец, Мерлью...

– Подожди. – Она села на ступеньки, усадила правителя рядом. – Час назад ко мне пришел Дравиг и спросил, где я была и что делала сегодня на рассвете.

– Ну и что?

– Найл, ты знаешь, что такое «алиби»?

– «Нахождение обвиняемого или подозреваемого лица в момент, когда совершалось преступление, в другом месте как доказательство его непричастности к преступлению», – отчеканил Найл определение, записанное ему в память среди прочих премудростей.

– Вот именно. Дравиг проверял мое алиби. А раз проверяется алиби, значит, должно быть и преступление.

– О Богиня! – Лирическое настроение Найла сменилось глухим беспокойством. Он встал, отряхнул тунику. – Нет, я ничего не знаю.

– Плохо, – поднялась следом принцесса. – Гадай теперь.

– Послушай, – повернулся к ней Найл и взял за руку. – Я голоден, как сколопендра. Пойдем позавтракаем?

– Пойдем, – послушно кивнула принцесса Мерлью. – Все равно ничего не поделаешь.

Во время завтрака принцесса Мерлью несколько подняла правителю настроение, рассказав, как на заседании городского Совета полтора месяца спорили, делать газовое освещение на улицах бесплатным или возложить стоимость на жителей.

– И вот наконец, – улыбалась она, маленькими глотками прихлебывая вино, – является ко мне советник Бродус и объявляет, что большинством в двадцать пять голосов при трех воздержавшихся газовое освещение решено сделать бесплатным. Ну, я, естественно, спрашиваю,

где мне взять хоть пару сотен фонарей, газовые трубы к ним и сам газ, который в город уже лет семьсот не поступает. Он хлопает своими круглыми глазками и говорит: «А об этом мы как-то не подумали».

Найл улыбнулся в ответ, проглотил кусочек запеченного в тесте хвоста скорпиона и переспросил:

– А что тогда за газовые фонари продают на рынке слуги жуков?

– Карбидки? Зажигалка, вода да известь. Даже если мы наберем нужное количество негашеной извести, наделаем фонарей и пустим водовозку, то вокруг будет стоять такая вонь... Там не то что ходить, жить никто не сможет! Или взять постановление об общественном транспорте...

Договорить принцессе не удалось. В столовую вошла Нефтис и, поджав губы, сообщила:

– К вам Шабр, мой господин.

– Вот оно, – мгновенно посерьезнела принцесса Мерлью, схватила Найла за руку и поволокла столь рьяно, словно он пытался сопротивляться.

– Где ты был сегодня на рассвете, Посланник Богини? – спросил паук, даже не подумав поздороваться.

– В здании строящейся библиотеки, – ответил Найл, переглянувшись с принцессой.

– Ты был один?

– Нет, меня видели две надсмотрщицы и двое строителей. – Про рабов упоминать не имело смысла.

– Меня уже спрашивал Дравиг, – сообщила принцесса Мерлью, не дожидаясь обращения к себе.

– Сегодня на рассвете убили еще одного паука-смертоносца.

– Убийцу поймали? – почти одновременно выкрикнули Найл и Мерлью.

– Нет. Но это был человек. Пауки-волки видели, как он затаскивал свою жертву в дом. Дом обыскали, но никого не нашли.

– Плохо, – заметила принцесса Мерлью, – Мы надеялись, убийца попадетсЯ.

– Смертоносец-Повелитель считает, – продолжил Шабр, – что вы просто убиваете пауков из человеческой кровожадности, а потом выдумываете мифических хищников.

– А почему ты решил все это нам рассказать? – с плохо скрытым подозрением поинтересовалась дочь КоззакА.

– Почему? Смотрите. – Паук, повернувшись к Найлу, приглашающе раскрыл свое сознание. И правитель, в отличие от принцессы, мгновенно понял все.

Свою жизнь Шабр потратил на изучение людей. Людей-рабов, людей-слуг, диких людей. Нет, он не проникся любовью к объекту исследований. Но заразился чисто человеческой чертой – любопытством. Он любил ставить эксперименты, он желал получать результаты, он научился радоваться успехам. Да, пауки обладают бесконечным терпением. Шабр бестрепетно ждал почти год – с того момента, как людей сочли равными паукам, и до того часа, когда Посланник Богини решил возродить работу над выводом породы совершенных людей. Он столь же бестрепетно мог годами ждать окончания эксперимента. Но если сейчас вновь начнется война с людьми, то о любимой работе придется забыть очень надолго, если не навсегда. А это слишком даже для паука. Шабр не любил людей. Но он хотел мира.

Все это Найл понял не из рассказа, он осознал это, слившись сознанием со смертоносцем, став им самим. И став – поверил.

– Но что мы можем сделать? – спросил он Шабра.

– Вы, люди, очень хитрые существа. Вы должны что-нибудь придумать.

Мерлью не обладала телепатическими способностями. Она ничего не поняла. Просто увидела, что Найл верит пауку, и согласилась с правителем, не теряя драгоценного времени на споры:

- Где произошло убийство?
- Недалеко отсюда, в стороне квартала рабов.
- Так идем туда. Может, удастся найти след.

Нефтис увязалась следом, а гужевых мужиков правитель брать не стал: неприлично ехать в коляске, когда смертоносец идет пешком. Пришлось бежать следом за Шабром. К счастью, дорога заняла всего минут десять. Найл даже не запыхался – дала о себе знать выучка пустыни. Нефтис и Мерлью, добежав, еще полчаса не могли отдышаться. Паук, храня презрительное молчание, дождался, пока женщины придут в себя, а затем указал передней лапой на шестиэтажный дом, стилизованный под стеклобетон:

- Хищник затащил убитого сюда.

Стены высокого здания искрились под высоко поднявшимся солнцем, разбрасывая разноцветных зайчиков. В отличие от соседних построек, этот дом не только не рассыпался за прошедшие века, но и сохранил в целости все окна.

- Тут кто-нибудь живет? – поинтересовался Найл.

– Нет, – сообщил Шабр.

– Странно. Целые окна в городе большая редкость.

– Простите, мой господин, – нерешительно прошептала Нефтис, – но этот дом стоит отдельно. Слишком далеко от других. В таких местах люди очень часто... исчезают.

Выразить при пауке свою мысль более четко она не рискнула. Все и так было ясно.

– Удивительно, стекла не повынимали, – высказалась принцесса Мерлью.

– Из этого здания невозможно вынуть стекла, – сообщил Найл, который получил весь объем знаний в Белой Башне, а не собирал в книгах по крупяцам, как принцесса. – Это монолит.

Когда-то по фасаду нижнего этажа шли сплошные двери, но теперь на их месте рос рыжий, густо переплетенный кустарник.

– Начнем с левой стороны? – предложил Найл и решительно направился к крайней левой двери. Точнее, к провалу там, где она раньше стояла.

Исследовать оказалось нечего: глухой колодец с крутой витой лестницей, лохмотья проводов, труб, прекрасно сохранившаяся шахта мусоропровода. Канализационная труба местами осыпалась, но тоже еще держалась. Хорошим следопытом Найл не был, да и отпечатки паучьих лап сплошь покрывали стены и ступеньки. Смертоносцы облазили тут все.

– Ладно, – сказал правитель, вытряхивая пыль из волос. – Заглянем в следующую.

Как оказалось, почти все остальные двери вели в огромный высокий холл. Помещение ярко освещалось окнами на уровне второго этажа, а посередине зиял провал в три человеческих роста глубиной, наполовину засыпанный кусками бетона, щебня и осколками пластика.

– Так. Здесь тоже искать нечего, – развернулся было Найл, но тут принцесса положила руку ему на плечо.

– Нефтис, – позвала она не оборачиваясь, – отправляйся к ближайшему жилью и принеси нам газовую лампу.

– Слушаюсь, принцесса, – повиновалась стражница.

– Зачем нам фонарь? – не понял Найл.

– Все очень просто. Как сообщил уважаемый Шабр, хищник вошел в этот дом. В доме его нет. Значит, или он улетел по воздуху, но тогда бы его заметили, или... Или нам следует внимательнее осмотреть эту ямку.

– Ты гений, принцесса, – прошептал правитель. – Похоже, у нас появился шанс.

Строительный мусор на дне провала за долгие годы слежался в монолит, твердый, как стены здания, однако Найл и Мерлью не поленились дернуть на себя каждый камень, угол каждой плиты, каждый выступающий стержень, в надежде открыть замаскированный проход.

Шабр тоже пытался помогать по мере сил, но его лапы оказались мало приспособлены к подобной работе.

Все оказалось намного проще.

С чисто паучьей методичностью засовывая свой нос во все щели, Найл заполз под сложившуюся домиком пластиковую плиту, готовый ощутить пальцами шершавую стену, но ничего не почувствовал, продвинулся еще немного, потом еще, пока не уперся головой, и тут до него дошло, что стена провала идет не вертикально вниз, а под углом, позволяя ему заползть под нее все дальше, дальше и дальше. Он выбрался обратно и уселся рядом с обнаруженным лазом, брезгливо отряхивая тунику.

– Нашел? – глядя на него, догадалась принцесса.

Отвечать Найл счел излишним.

Шабр повернулся сперва к девушке, затем к Найлу, шустро подбежал к плите и попытался влезть под нее. Безуспешно. Паук покачался вперед-назад и предложил:

– Я подожду лапы, а вы меня протащите.

– Нужно Нефтис подождать, – напомнил Найл. – У нас фонаря нет.

Смертоносец испустил импульс согласия, ловко забрался на потолок и замер в затененном уголке. Как успел заметить Найл, Шабр вообще предпочитал перемещаться кверху лапами.

Вскоре затрещал кустарник. В провал сбежала начальница охраны и продемонстрировала новенький карбидный фонарь:

– Вот, в караулке взяла. С отражателем, – сообщила она и, спохватившись, добавила: – Мой господин.

– Тогда вперед, – Найл приглашающе указал на обнаруженный лаз.

Нефтис заглянула под плиту, кивнула, склонилась над фонарем. Послышалось тихое шипение, пахло тухлятиной. Стражница высекла искру, накрыла вспыхнувший розоватый огонек стеклом и полезла вперед. На серебряной паутине свалился сверху Шабр, лег на спину и поджал лапы. Найл без особого труда протолкнул его в проход – насекомые всегда намного легче, чем кажутся с виду.

– Ты вперед или за мной? – спросил Найл принцессу.

– Я вообще не полезу.

– Как это?! – не поверил своим ушам Найл.

– Просто не полезу, и все, – фыркнула Мерлью. – Не принцессе это дело – по катакомбам ползать.

Такого Найл понять не мог. А потому грубо и бесцеремонно прощупал ее сознание. Принцесса вскинула руку, словно хотела заслониться, но все уже стало ясно: если Посланник Богини погибнет во имя борьбы с хищниками, то отношения людей и пауков однозначно улучшатся, а сама она, как самый осведомленный человек, хорошо знакомый и смертоносцам, и людям, а вдобавок еще и близкая соратница правителя, отправившая его в опасную экспедицию, станет реальным претендентом на звание правительницы города. Если Найл возвратится, то она, по тем же причинам, заметно упрочит свой авторитет. Она выигрывала в любом случае и не видела никаких причин рисковать жизнью.

У Найла возникло такое ощущение, словно он вляпался в дерьмо. Принцесса Мерлью теперь не казалась ему красавицей, она походила на толстого крысенка, укравшего у кухарки вкусный кусок.

– Ну и дрянь же ты, – сказал Найл.

– Отправляйтесь под землю, мой юный герой, – презрительно усмехнулась принцесса Мерлью. – Вас ждут великие дела.

Словно огромный холодный камень лег Найлу на грудь. Бесследно пропал азарт охотника, идущего по следу, стремление как можно быстрее разобраться с загадкой появления и исчезновения хищников прямо в центре города. На миг показалось, что от принцессы. Мерлью

повеяло злом, замогильным злом таинственного Мага и его каменных божков. Оставлять в своем тылу подобного «соратника» правителю очень не хотелось, но его действительно ждали. Пусть не «великие дела», а всего лишь паук и стражница.

А еще – мирные жители города, которые даже не представляли, что вот уже десять дней над ними висит смертельная угроза.

– Я вернусь, – зло пообещал Найл и полез под плиту.

* * *

Провал в центре здания оказался не просто глубокой ямой, а наклонным тоннелем, настолько широким, что по нему могли бы свободно идти бок о бок десять бойцовых пауков. Свет фонаря выхватывал часть полукруглого потолка сверху и причудливую мешанину из тонких листов декоративного пластика, покрытых белой пылью алюминиевых уголков, вздыбленных, маслянисто поблескивающих металлических швеллеров и паутины желтых проводов без малейшего признака изоляции внизу.

– Осторожно, мой господин, – опасливо предупредила Нефтис, – не повредите ноги.

Стражница опустила фонарь ниже, и Найл увидел толстый слой из мелких белых косточек. То ли крысы, то ли летучие мыши поколение за поколением находили здесь свою кончину. Местами из толщи костей выступали поперечные прутья. Зацепишься ногой за такую поперечину, грохнешься на уголки, да швеллером сверху и прихлопнет.

– Да, – вслух сказал правитель, – здесь нужно беречь свои кости.

Шабр без труда взбежал на гладкий потолок, умчался вниз, в непроглядный мрак, вернулся обратно. К счастью, у пауков начисто отсутствовало чувство нетерпения, и он не пытался подгонять медленно ступающих людей.

– Где-то здесь должна быть тропа, по которой шел хищник... – сказал Найл.

Нефтис подняла фонарь над головой и посветила по сторонам. Тропа обнаружилась у самой стены. Узкая, чуть шире паучьего панциря, усыпанная белым мелом, в который истерлись косточки то ли мышей, то ли крыс, она позволила заметно ускорить движение. Глаза постепенно привыкали к темноте, но ноги быстро устали от непривычно долгой ходьбы под уклон.

Наконец тоннель изогнулся и стал горизонтальным. Одновременно закончилась мешанина из металла и пластика. Пол оказался покрыт квадратными пластинками, с виду похожими на мох, но плотными и твердыми. Стены напоминали окаменевший кустарник, высокие ветви которого смыкались над головой. Здесь не было ни слоя косточек, ни меловой тропки, указывающей направление к логову хищников, но правитель надеялся, что дальше след врагов снова отыщется.

Тоннель причудливо вилял, словно ручеек в оазисе, потом внезапно раздался в стороны, и Нефтис восхищенно ахнула:

– О Великая Богиня Дельты! Да здесь поместится ваш дворец целиком, мой господин!

Пятнышко света на потолке белело на высоте примерно пятого этажа, стены терялись в сумерках. Даже Шабр предпочел спуститься и шагать рядом с людьми. Впереди заблестели изумрудные огоньки, в свете фонаря проявилось переплетение ветвей...

– Да это же лес, мой господин... – прошептала Нефтис.

– Только его кто-то уже порубил, – заметил в ответ правитель.

Деревья лежали как попало, переплетаясь тонкими ветвями. Влажно поблескивала изумрудно-зеленая листва. Найл взялся за разлапистый кленовый листок, потянул к себе. Тот согнулся почти пополам и обломился с тонким печальным звоном. Подделка. Правитель прошелся вдоль длинного ствола, растер руками рыжую пыль, скопившуюся у комля. Почему

далекие предки укрепляли деревья из практически вечной пластмассы с помощью слабого и недолговечного железа? Теперь уже не узнать.

– Когда-то давным-давно, – нараспев произнес Посланник Богини, – люди устали видеть вокруг себя пустыню. И тогда они создали под землей искусственный лес.

– Но почему было не посадить его наверху? – удивилась Нефтис.

– Не знаю, – пожал плечами правитель. – Возможно, наверху такие породы не растут.

Они пробирались среди листвы, и Найл с восхищением отмечал мельчайшие детали, делающие поддельный лес совершенно неотличимым от настоящего: мелкую пичугу с еловой почкой в клюве, гнездо из сухих травинок, ворону со слегка наклоненной головой, ныне оказавшуюся кверху лапами, рыжего кота, карабкающегося по стволу. Раньше здесь, наверное, чирикала звукозапись и растекался пряный запах весенней рощи. А сейчас слабо пахло испуганным жуком-бомбардиром и сухим пустынным песком.

Вдруг все кончилось: перед ними стояла стена. Найл оглянулся. Шабр отстал на несколько шагов – среди ветвей его широко расставленные лапы только мешали. Что-то не нравилось правителю в поведении паука. Разумом Найл не мог осознать причины беспокойства, но в душе зарождалась неясная, глухая тревога.

– Здесь книги, мой господин, – позвала его Нефтис, и он сразу забыл про беспокойство.

В стену вдавалась неглубокая прямоугольная ниша, посреди которой одиноко стоял настоящий книжный шкаф. Три полки за бликующим стеклом, плотно, корешок к корешку, заставленные аккуратными томиками. Их было здесь не меньше полусотни!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.